

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование кафедры)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему **Спорные вопросы квалификации коррупционных
преступлений**

Студент

М.А. Ожиганова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный

О.Ю. Савельева

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

руководитель

Руководитель программы д.ю.н., профессор В.М. Корнуков

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

(личная подпись)

« _____ » _____ 20 _____ Г.

Допустить к защите

Заведующий кафедрой к.ю.н., доцент С.В. Юношев

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

(личная подпись)

« _____ » _____ 20 _____ Г.

Тольятти 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические основы уголовной ответственности за коррупционные преступления.....	8
1.1. Понятие и виды коррупционных преступлений.....	8
1.2. Ответственность за коррупционные преступления по зарубежному уголовному законодательству.....	29
Глава 2. Спорные вопросы квалификации преступлений, связанных с злоупотреблением и превышением полномочий.....	42
2.1. Особенности квалификации преступлений, предусмотренных ст. 201 и 285 УК РФ.....	42
2.2. Особенности квалификации превышения должностных полномочий	58
Глава 3. Спорные вопросы квалификации преступлений, совершаемых путем взятничества и коммерческого подкупа.....	74
3.1. Особенности квалификации коммерческого подкупа.....	74
3.2. Особенности квалификации взятничества.....	81
Заключение.....	94
Список используемой литературы и источников.....	97

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность выбранной темы магистерской диссертации обусловлена тем, что глобализация экономики и сопутствующий ей рост транснациональной экономической и коррупционной преступности вынуждает государства искать универсальные механизмы противодействия криминальным угрозам посредством разработки общих нормативных стандартов и единой правоприменительной практики.

Борьба с коррупцией, провозглашенная на самом высоком уровне, принимает форму государственной программы. Коррупция представляет собой серьезную угрозу функционированию публичной власти на основе права и закона, верховенству закона и подрывает доверие населения к государственной власти, органам местного самоуправления, существенно замедляет экономическое развитие Российской Федерации.

Одним из наиболее результативных направлений этой деятельности является построение стратегии противодействия коррупции через принятие универсальных рекомендаций в рамках «мягкого» права.

Степень разработанности темы. Коррупционные преступления является одной из популярных тематик в исследованиях различных уровней, что обусловлено приоритетом уголовной политики по борьбе с коррупцией. Вместе с тем, несмотря на большое количество публикации по данной тематике, остается ряд спорных вопросов, которые требуют дальнейшего анализа и разработки.

Объектом исследования выступают часть правовых отношений, складывающихся в процессе квалификации коррупционных преступлений.

Предметом исследования выступают нормативно-правовые акты национального и зарубежного уровней, в которых определяются вопросы квалификации коррупционных преступлений.

Цель исследования является комплексный правовой анализ института коррупционных преступлений и выявление наиболее значимых и спорных вопросов, возникающих при квалификации данной категории преступлений.

Достижение поставленных целей обусловило постановку и решение следующих **задач**:

-проведение ретроспективного анализа законодательства об ответственности за коррупционные преступления;

-определение понятия и видов коррупционных преступлений по действующему российскому уголовному законодательству;

-анализ ответственности за коррупционные преступления по зарубежному уголовному законодательству;

-анализ особенностей квалификации преступлений, предусмотренных ст. ст. 201 и 285 УК РФ;

-анализ особенностей квалификации превышения должностных полномочий;

-анализ особенностей объекта и объективной стороны преступлений, совершаемых путем взяточничества и коммерческого подкупа

-анализ особенностей субъекта и субъективной стороны преступлений, совершаемых путем взяточничества и коммерческого подкупа

-анализ особенностей квалифицированных и особо квалифицированных видов преступлений, совершаемых путем взяточничества и коммерческого подкупа.

Методологическую основу исследования составил диалектический метод научного познания, позволявший исследовать явление во взаимосвязи и развитии. Также применялись всеобщие методы: анализ, дедукция, синтез, структурно-функциональный метод и метод системного анализа. К частнонаучным методам применяемых в рамках данного исследования следует отнести: формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой метод.

Нормативно-правовую основу исследования составило действующее уголовное законодательство, устанавливающее ответственность за преступления, совершаемые путем взяточничества.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных ученых по вопросам, касающимся квалификации преступлений, совершаемых путем взяточничества, а именно: С.О. Бочкова, А.И. Гурова, А. Захарова, А.К. Коптелова, М.С. Кочиной, М.О. Лепихина, О.И. Семькиной, А.В. Шмони́на и других.

Научная новизна исследования определяется теми цели и задачами, которые были поставлены, а также выражается в авторском подходе к освещению темы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Коррупционное преступление – это общественно опасное, противоправное, виновное и наказуемое умышленное деяние должностного лица или лица, заинтересованного в осуществлении определенных действий (бездействия) должностным лицом, совершаемое исходя из корыстных мотивов, направленное на получение выгоды, имущества, услуг имущественного характера, имущественных прав или незаконного предоставления определенных преимуществ как для себя, так и для третьих лиц. Следует отметить, что, по нашему мнению, понятия коррупции и коррупционного преступления, безусловно, должны включать в себя достаточно широкий круг преступлений, закрепленных в УК РФ, но не стоит ориентироваться при его составлении исключительно на самые распространенные служебные и должностные преступления.

С учетом анализа норм и положений международных нормативных правовых актов в этой сфере считаем необходимым в первую очередь включить в понятие коррупции преступления, в составах которых как обязательный признак объективной стороны закреплён подкуп в отношении должностных лиц или лиц, выполняющих управленческие функции в организациях.

2. Ст. 285 УК РФ в самом общем виде представляет характеристику непосредственного субъекта преступления — должностного лица и самого преступного деяния, включая использование служебных полномочий вопреки служебным интересам и их последствий, что распространяется практически на все нормы и статьи гл. 30 УК РФ. С учетом всех внесенных изменений определение должностного лица наиболее детальным образом конкретизирует субъективную сторону и сам субъект рассматриваемых должностных преступлений.

3. Прим. 1 к ст. 285 УК РФ, содержащие признаки должностного лица, не носят системного характера и частично отражают организационно-правовые формы юридических лиц с государственной и муниципальной формами собственности.

Полагаем, что ст. 285 УК РФ требует определенных преобразований. Современная редакция данной нормы содержит в себе ряд противоречий, которые необходимо устранить. Эффективность предупредительных мер по борьбе с коррупционными преступлениями, в частности с злоупотреблением должностными полномочиями, напрямую зависит от уровня законодательной базы.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена выводами и рекомендациями, сформированными в настоящей магистерской диссертации. Именно они составили теоретическую основу проведения дальнейших исследований вопросов уголовной ответственности за коррупционные преступления.

Результаты, которые получены в ходе настоящего исследования, могут быть внедрены в учебный процесс в виде лекционного материала по дисциплине «Уголовное право 3» и спецкурсу «Преступления против государственной власти и управления».

Апробация результатов исследования. Магистерская диссертация выполнена, обсуждена и рекомендована к защите на кафедре «Уголовное право и процесс».

Кроме того, магистрант выступил с докладом по теме диссертационного исследования на Всероссийской научно-практической конференции «Правонарушение – основание юридической ответственности: традиционные подходы и новые концепции», проходившей в г. Тольятти 15 марта 2019г.

Структура исследования. Работа включает в себя: введение, три главы, состоящих из шести параграфов; заключение и список используемой литературы и источников.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1.1. Понятие и виды коррупционных преступлений

В современном мире коррупция затрагивает общество и экономику всех стран независимо от уровня их экономического развития. Значимость и необходимость искоренения причин и условий, ее порождающих, не вызывает сомнений.

По статистическим данным, в соответствии с рейтингом стран по уровню восприятия коррупции за 2016 год, приведенным Международной неправительственной организацией по борьбе с коррупцией Transparency International, Россия заняла 131-е место из 176 стран мира¹.

Коррупционные преступления обладают высокой степенью общественной опасности, наносят серьезный вред государству. Ущерб бюджету РФ от преступлений, связанных с коррупцией, в 2016 году превысил 19 млрд рублей².

Поскольку коррупция является одной из основных угроз государственной и общественной безопасности РФ, является препятствием устойчивому развитию страны и реализации стратегических национальных приоритетов, в настоящее время реализуются Национальная стратегия противодействия коррупции и национальные планы противодействия коррупции, в обществе формируется атмосфера неприемлемости данного явления, повышается уровень ответственности за коррупционные преступления, совершенствуется правоприменительная практика в указанной области (п. п. 43, 46 Указа Президента РФ от 31 декабря 2015г. №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»³).

---

¹ <http://www.forumdaily.com/rejting-samyx-korrumpirovannyx-stran-mira-za-2016-god/>

² <http://www.delo-kira.ru/news-voronezh-russia-world/64-lenta/economica/244388-glava-mvd-zajavil-ob-ushcherbe-ot-korruptcii-v-19-mlrd-rub-v-2016-godu.html>

³ Собрание законодательства РФ. – 2016. - №1 (часть II). - Ст. 212.

Коррупционные преступления в истории России берут свое начало еще на Руси, когда для данной категории преступлений использовались термины «лихоимство» и «мздоимство».

Незаконное вознаграждение как социально негативное явление закреплено в Псковской судной грамоте 1397 г., Новгородской судной грамоте 1440 г., Судебнике 1497 г. и других государственных актах.

Первые упоминания таких негативных явлений, как тайные посулы, находим в Псковской судной грамоте, ст. 4 которой предписано при отправлении правосудия «тайных посулов (взяток) не имати ни князю, ни посаднику». В ст. 48 указанного источника говорится о взятке (посуле) должностному лицу (волостителю)¹. Установлен запрет брать взятку (посул) членам суда (ст. 26 Новгородской судной грамоты)². При этом слово «посул» в русском языке имело несколько значений: обещанная плата, выкуп, пошлина, взятка³. В качестве субъекта описанных преступных деяний выступали должностные лица, которые несли службу в судах, от имени князя были поставлены на местах (посадники, волостители).

Явление взяточничества нашло свое отражение также в таком источнике права, как Двинская уставная грамота (1397-1398 гг.), ст. 6 которой закрепляет ответственность наместника, отпустившего вора за взятку: «А самосуда четыре рубли; а самосуд то: кто изымав татя с поличным, а посул себе возмет, а наместники доведаются по заповеди, ино то самосуд; а опрочь того самосуда нет»⁴. В данной норме идет речь об освобождении вора за «посул», иными словами взятку.

В Судебнике 1497 г. закреплены нормы о запрете дачи и получения взятки («посула») боярином, окольниковым или дьяком, судьей (ст.ст. 1, 33,

---

¹ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. - М.: Юридическая литература, 1984. – С.336-337.

² Там же. С.336-337.

³ Там же. С.348.

⁴ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. - М.: Юридическая литература, 1985. – С.181.

34, 38, 43, 65, 67)¹. Несмотря на то, что получение и дача «посулов» закреплены в Судебнике как преступные деяния, ответственность за получение взятки не установлена (ст. 33, 34)². Таким образом, установлен только запрет без соответствующей негативной реакции со стороны государства.

Изучение последующих источников уголовного права, таких как Судебник 1550 г., Соборное Уложение 1649 г., Именной указ «О наказании посадских людей за взятки» 1699 г., свидетельствует о сохранении актуальности защиты общества от рассматриваемого негативного явления и сохранении норм об ответственности за взяточничество³.

В 1648 г. коррупция, самоуправство и произвол чиновников как основные черты правительства боярина Бориса Морозова явились причинами Соляного бунта, в результате которого правительство пошло на удовлетворение предъявленных восставшими требований, вследствие чего было прекращено взимание недоимок.

В истории России одним из наиболее активных борцов с коррупцией считается Петр I. При его правлении жалование разросшемуся аппарату чиновников выплачивалось нерегулярно, что явилось причиной повышения уровня коррупции. С 1715 г. была установлена выплата фиксированного жалования чиновникам из казны, получение взятки же признавалось серьезным преступлением, наказываемым смертной казнью. 17 марта 1714 г. указом «О фискалах и об их должности и действии» был учрежден институт фискалов, прямой обязанностью которых являлось слежение за чиновниками в целях предотвращения расхищения казны и получения взяток.

Субъектами взяточничества в этот исторический период остаются

---

¹ Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. - М.: Юридическая литература, 1985. - С.54-62.

² Штамм С.И. Судебник 1497 года: Учебное пособие по истории государства и права СССР. - М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. - С.47.

³ Бычкова С.Б. Государственно-правовые меры противодействия взяточничеству в России (XV - начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. юр. наук. - Н. Новгород, 2016. - С.15.

представители власти, чиновники.

Однако антикоррупционные меры Петра не получили в дальнейшем распространения, нехватка средств заставила Екатерину I отказаться от данной политики¹.

В дальнейшем коррупция не теряла своих позиций вплоть до правления Николая I ввиду выплаты чиновникам зарплат в бумажном эквиваленте, сильно обесценившимся по сравнению с металлическими монетами. В целях борьбы с должностной преступностью Николаем I были созданы Комитет при Общем собрании Санкт-Петербургских департаментов Сената и Третье отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. При правлении Александра II издавались ежегодные отчеты об имущественном положении чиновников. Во время правления Николая II было введено Уголовное уложение², разрабатывавшееся еще при Александре III, которое, наконец определило понятия «лихоимство» и «взяточничество», однако это не предотвратило всплеск должностной преступности, имевшей место в начале XX в.³.

Впервые явление коммерческого подкупа нашло закрепление в нормах Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которое предусматривало два вида взяткополучательства (мздоимство и лихоимство), закрепленные в главе шестой пятого раздела «О мздоимстве и лихоимстве».

Анализируя словоупотребление законодателя при описании субъектов преступлений главы шестой Уложения, Г.Н. Миронова делает вывод, что, помимо должностного лица как представителя государственной власти, виновным могло быть иное лицо, в том числе находящееся на общественной

---

¹ Рясков, А.В. Исторический очерк развития дореволюционного уголовного законодательства России от ответственности за преступления, совершаемые с использованием служебного положения // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2008. – №4. – С. 97–103.

² Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. – СПб. : Изд В.П. Анисимова, 1903. – 250 с.

³ Аминов Д.И., Шумов Р.Н., Борисов А.В., Борбат А.В. К вопросу о квалификации мошенничества в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Российский следователь. 2017. - №8. - С. 18.

службе, а также другое лицо, статус которого строго не оговорен¹. При описании преступных деяний использованы следующие законодательные конструкции: «должностное лицо» (ст. 374), «виновные», «виновный» (ст. ст. 375, 378), «получивший взятку» (ст. 376), неопределенные местоимения «кто» (ст. 373), «те» (ст. 380)².

Как следует из законодательного описания норм ст. ст. 1153, 1155, 1157 Уложения³, термин «чиновник» не охватывается термином «должностное лицо», так как они указаны через соединительный союз «и». Таким образом, «должностное лицо» и «чиновник» - совершенно разные субъекты преступления, сущность и содержание которых Уложением не определены. Указанные выше термины употребляются при описании преступлений, совершаемых служащими общественных и частных банков, из чего можно сделать вывод, что в общественных и частных банках также присутствовали такие категории служащих, как «чиновник» и «должностное лицо».

Из этого следует, что законодатель описывает в качестве преступного именно коммерческий подкуп (исходя из субъекта, совершившего преступления, и объекта преступления - интересов частных банков). При описании норм, устанавливающих ответственность за деяния, связанные с получением незаконного вознаграждения, законодатель не определяет их границы. Не установлены нижние пределы преступного и не преступного, также нет градации высших пределов стоимости «подарков», «взятки», исходя из чего можно предположить, что незаконное вознаграждение в любом размере и количестве признавалось преступным.

Впоследствии развитие норм об ответственности за мздоимство и лихоимство нашло отражение в Уголовном уложении 1903г., в котором

---

¹ Миронова Г.Н. Исторические предпосылки установления уголовной ответственности за мелкий коммерческий подкуп //Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2018. - №1 (51). – С.89-93.

² Фельштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. - М.: Зерцало, 2003. – С.410,412.

³ Свод законов уголовных. Часть первая. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. - СПб, 1885. – С.236-237.

законодатель закрепил понятие служащего, являющегося субъектом взяточничества¹. В разных главах Уложения при описании диспозиций норм нередко используется термин «служащий», но не всегда он применим к государственным или общественным структурам. Анализируя Уложение, можно прийти к выводу, что служащими являлись и работники частных учреждений. Иллюстрацией могут служить ст. ст. 200, 201, 323, 372, 396, 543, 575 и др.

Несмотря на некоторые недостатки при определении законодателем понятия «служащий» в статьях об ответственности за взяточничество, которые сосредоточены в главе тридцать седьмой, в Уложении прослеживается тенденция к криминализации незаконного вознаграждения преимущественно в государственном и общественном секторах общественных отношений. Об этом свидетельствует концентрация норм об ответственности за взяточничество в главе «О преступных деяниях по службе государственной и общественной» с очевидным стремлением к защите публичных интересов.

В отдельных нормах ответственность за подкуп (взятку), совершаемый в негосударственном (частном) секторе, не закреплена.

С началом советского периода регулирование должностной преступности характеризуется изданием отдельных декретов, например, Декрет Совнаркома от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» устанавливает уголовную ответственность за взяточничество в виде лишения свободы на срок не менее пяти лет с принудительными работами на тот же срок.

К субъектам - получателям взяток Декрет относил лиц, состоящих на государственной или общественной службе в РСФСР.

Таким образом, служащие акционерных, кооперативных обществ с точки зрения уголовно-правового регулирования взяточничества приравнивались по статусу к должностным лицам, состоящим на государственной и общественной службе, при том что в действующем

---

¹ Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. Киев, 1903. – С.207.

уголовном законе они относятся к субъекту ст. 204 УК РФ и не считаются государственными служащими. В рассматриваемый исторический период неактуальным был вопрос о дифференциации уголовной ответственности работников коммерческих и иных организаций, не являющихся государственными, так как в условиях огосударствления экономики потребность в регулировании подобных отношений уголовно-правовыми средствами отпала.

Уголовный кодекс 1922 г. предусматривает наказание за взяточничество в форме расстрела.

Как в судебной системе, так и в правоохранительных органах должностная преступность продолжала существование со времен царской России¹.

Сталин рассматривал коррупцию как одну из наиболее важных проблем управленческого аппарата и общества в целом, однако при нем сформировалось определенное противоречие антикоррупционных мер: должностные преступления карались смертной казнью, но в то же время чиновники образовывали неприкосновенный, неподсудный и неподвластный контролю класс. Несмотря на это, впоследствии была введена достаточно эффективная система доносов, было ужесточено наказание за должностные преступления, в дальнейшем наказанию подвергались все, независимо от политического положения и связей. Уголовному наказанию подвергались не только сами коррупционеры, но и их родственники, близкие, а также свидетели, ввиду того, что не предпринимали зависящих от них мер для выявления случаев коррупции.

В последующие периоды был произведен отказ от данных антикоррупционных мер, борьба с должностной преступностью уже не являлась одним из наиболее важных направлений внутренней политики.

---

¹ Борисов А.В. К вопросу о предупреждении должностных преступлений, совершаемых в сфере здравоохранения // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2015. - №4 (10). - С. 42.

В Уголовный кодекс 1960 г. была введена отдельная глава «Должностные преступления», включающая в себя такие посягательства, как злоупотребление властью или служебным положением, превышение власти или служебных полномочий, халатность, получение и дача взятки, посредничество во взяточничестве, должностной подлог и нарушение антимонопольного законодательства. Отдельные должностные злоупотребления были размещены в других главах Особенной части Уголовного кодекса, в частности, в главе «Преступления против правосудия» был размещен состав «Принуждение к даче показаний», в главе «Преступления против собственности» – «Хищение путем злоупотребления служебным положением». Максимально строгим наказанием за должностное преступление в данном Уголовном кодексе является лишение свободы на срок до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

Как отмечает Г.Н. Миронова уголовное право того времени не охраняло общественные отношения в частном секторе от незаконного обогащения посредством незаконных поборов, аналогично тому, как это делалось в публичной сфере¹.

Что касается коммерческого подкупа, то, как отмечают В.В. Седых, Д.В. Савичева, введение в уголовное законодательство ответственности коммерческий подкуп протекало достаточно медленно, в законодательстве на тот период времени имелись статьи регулирующие схожие по своей сути составы преступлений, также можно заметить, что важную роль в развитие экономической ситуации в стране и общественных отношениях, которые за время своего развития привели к появлению понятия коммерческий подкуп привели законы принятые за период с 1985 по 1996 год: Закон СССР «О собственности в СССР», принятым 6 марта 1990г., Закон РСФСР «О собственности», принятым 24 декабря 1990г. и «О предприятиях и предпринимательской деятельности». Все вышеперечисленные законы привели к появлению свободных экономических отношений и появлению

---

¹ Миронова Г.Н. Указ. соч. С.89-93.

здатков демократического общества. И тогда в государстве начали возникать вопросы о регулирование злоупотребления субъектов экономических отношений коммерческих предприятий своими правами¹.

Если сравнить статьи УК РФ 1996 года (в первоначальной редакции) и ныне действующего уголовного кодекса в отношении коммерческого подкупа, то можно сделать следующий вывод, что само понятие вышеуказанного термина остается неизменным и в настоящее время.

Также в современное уголовное законодательство в июле 2016 года добавляются две новые ст. 204.1 «Посредничество в коммерческом подкупе» и ст. 204.2 «Мелкий коммерческий подкуп». Формируется понятие посредничества, которое представляет из себя непосредственную передачу коммерческого подкупа в сторону адресата, также появляется разделение коммерческого подкупа и мелкого коммерческого подкупа, под которым законодатель понимает подкуп, не превышающий сумму 10 000 тысяч рублей.

В условиях глобализации вопросы, связанные с предупреждением и искоренением коррупции, регламентируются помимо национального, также и международным правом: Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции (принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 2003); Конвенцией, принятой на основании статьи К.3 (2) «с» Договора о Европейском союзе, о борьбе с коррупцией, к которой причастны служащие Европейских сообществ или служащие государств - членов Европейского Союза (принята Советом Европейского союза 26 мая 1997, Россия не участвует); Конвенцией о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц в международных коммерческих сделках (принята Организацией экономического сотрудничества и развития 21 ноября 1997); Конвенцией об уголовной ответственности за коррупцию (принята

---

¹ Седых В.В., Савичева Д.В. История развития уголовной ответственности за коммерческий подкуп // Наука сегодня: задачи пути их решения: материалы международной научно-практической конференции. В 2-х частях. – 2018. – С.135-139.

Комитетом министров Совета Европы 27 января 1999) и др.

В частности, к таким международным антикоррупционным актам относятся Программа действий по борьбе с коррупцией, принятая в ноябре 1996 г. Комитетом министров Совета Европы, Рекомендации 19-й Конференции министров юстиции европейских стран, Резолюция №1 21-й Конференции министров юстиции европейских стран, Резолюция Комитета министров Совета Европы от 6 ноября 1997 г. о двадцати руководящих принципах борьбы с коррупцией, Резолюция, санкционирующая частичное и расширенное соглашение о создании «Группы государств против коррупции (ГРЕКО)», и др.

Итогом обозначенной законотворческой деятельности стало принятие ряда федеральных законов о внесении изменений и дополнений в УК РФ об ответственности за коррупцию.

Кроме того, в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ в целях обеспечения единообразного применения уголовного законодательства России неоднократно корректировались вопросы применения уголовно-правовых норм и квалификации преступлений коррупционной направленности.

Необходимо отметить, что, несмотря на интенсивность законотворческой деятельности и совершенствование правоприменительной практики, а также достаточно большой объем изменений и дополнений, внесенных в отечественное уголовное законодательство и практику его применения, на сегодняшний день, с нашей точки зрения, отдельные положения УК РФ, а также разъяснения Пленума Верховного Суда РФ нельзя признать в полной мере соответствующими международным требованиям.

С другой стороны, в процессе реформирования уголовного закона России в целях приведения его содержания в соответствие международным антикоррупционным требованиям в ряде случаев имело место буквальное исполнение требований международных антикоррупционных правовых актов

без учета системы национального уголовного права, что фактически повлекло дублирование, конкуренцию и несогласованность антикоррупционных уголовно-правовых норм, излишнее правовое регулирование, итогом этого стала бессистемность отдельных положений УК РФ в части борьбы с преступлениями коррупционной направленности.

В частности, говоря о неполном исполнении Российской Федерацией международных антикоррупционных обязательств в сфере совершенствования национальных уголовно-правовых мер борьбы с коррупцией, можно отметить следующее.

Согласно четвертому принципу борьбы с коррупцией, принятому в соответствии с Резолюцией №(97) 24 Комитета министров Совета Европы «О двадцати принципах борьбы с коррупцией»¹, страны-участницы берут на себя обязательства «обеспечивать соответствующие меры для конфискации и лишения доходов в результате случаев коррупции». Кроме того, такая обязанность регламентируется в Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (ч. 3 ст. 19 «Санкции и меры»): «каждая Сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для того, чтобы наделить себя правом конфисковывать или иным образом изымать орудия совершения и доходы от уголовных преступлений, квалифицированных в качестве таковых в соответствии с настоящей Конвенцией, или имущество, стоимость которого эквивалентна таким доходам».

Таким образом, международное уголовное право требует от стран – участниц антикоррупционных конвенций регламентации в национальных правовых системах уголовной ответственности за коррупцию в случаях «предоставления неправомерных имущественных или иных преимуществ» не только непосредственно государственному или иностранному должностному лицу либо «лицам, которые руководят предприятиями частного сектора или

---

¹ Резолюция № (97) 24 Комитета министров Совета Европы «О двадцати руководящих принципах борьбы против коррупции», принятая 6 ноября 1997 на 101-ом заседании // <http://www.consultant.ru/>

работают в них в том или ином качестве», но и «иным лицам», «третьим лицам», как это указано в обозначенных конвенциях.

Данное требование было реализовано в УК РФ после принятия Федерального закона от 3 июля 2016г. №324-ФЗ¹ (далее – Закон от 03.07.2016г. №324-ФЗ) и выразилось в новых редакциях уголовно-правовых норм об ответственности за взяточничество (ст. 290, 291 УК РФ) и коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ). Суть нововведений заключалась в том, что описательные диспозиции обозначенных уголовно-правовых норм, определяющие понятие получения и дачи взятки, а также коммерческого подкупа, были дополнены словами «(в том числе когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу)» (ст. 290, 291 УК РФ) и «(в том числе когда по указанию такого лица имущество передается, или услуги имущественного характера оказываются, или имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу)» (ч. 1, 5 ст. 204 УК РФ).

Обозначенные изменения существенно расширили границы уголовно-правового определения взяточничества и коммерческого подкупа по сравнению с ранее действовавшим законодательством, предусматривавшим ответственность за взятку или коммерческий подкуп лишь в случаях, когда незаконное вознаграждение передавалось в пользу должностного лица или руководителя коммерческой организации, а также в пользу их родных и близких.

Так, в п. 23 постановления Пленум Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. №24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»² (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 09.07.2013г. №24) указано: «Если за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе имущество передается, имущественные

---

¹ Федеральный закон от 3 июля 2016г. №324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. - №27 (часть II). - Ст. 4257.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. - №9.

права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду, содеянное не может быть квалифицировано как получение взятки. Если лицо, передавшее имущество, предоставившее имущественные права, оказавшее услуги имущественного характера за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе, осознавало, что указанные ценности не предназначены для незаконного обогащения должностного лица либо его родных или близких, содеянное им не образует состав преступления, предусмотренный ст. 291 либо ст. 291.1 УК РФ».

Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ до принятия вышеобозначенных поправок в УК РФ не признавал взяточничеством случаи получения или передачи имущества, предоставления имущественных прав или услуг имущественного характера за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе, когда имущество передается, имущественные права предоставляются или услуги оказываются не лично ему либо его родным или близким, а другим лицам, в том числе юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду. Проблема состоит в том, что Пленум Верховного Суда РФ не только не признавал, но даже после внесения в ст. 204, 290, 291 УК РФ вышеобозначенных поправок не изменил редакцию п. 23 Постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013г. №24 и, соответственно, не признает взяточничеством и коммерческим подкупом случаи «опосредованного» подкупа должностных лиц, когда «имущество передается, имущественные права предоставляются или услуги оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду». Как отмечает А.Э. Бадалов, действующее Постановление Пленума ВС РФ от 09.07.2013г. №24

противоречит требованиям ратифицированных Россией Международных антикоррупционных конвенций, а также содержанию ч. 1 ст. 290, ч. 1 ст. 291, ч. 1 и 5 ст. 204 УК РФ в определении содержания терминов получения и дачи взятки, а также коммерческого подкупа¹.

Выходом из сложившейся ситуации является редактирование положений п. 23 Постановление Пленума ВС РФ от 09.07.2013г. №24 и приведение его содержания в соответствие требованиям ратифицированных Россией международных антикоррупционных конвенций.

Учитывая ясность и недвусмысленность содержания диспозиций ст. 204, 290, 291 УК РФ в части буквального признания взяточничеством или коммерческим подкупом любой передачи или получения предмета взятки или подкупа, «в том числе, когда они по указанию должностного лица или руководителя коммерческой или иной организации передаются иному физическому или юридическому лицу», предлагаем п. 23 Постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013г. №24 признать утратившим силу.

Исключение из разъяснений Пленума Верховного Суда РФ п. 23, а также дополнение ст. 104.1 УК РФ ссылками на ч. 5 ст. 184, ст. 204.1, 204.2, 291.1, 291.2 УК РФ обеспечит соответствие положений УК РФ международным антикоррупционным требованиям.

В национальном праве РФ в соответствии с Федеральным законом от 25 декабря 2008г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее - Закон от 25.12.2008г. №273-ФЗ) коррупция - это:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для

---

¹ Бадалов А.Э. Ответственность за преступления коррупционного характера в международном уголовном праве // Общество и право. – 2018. - №2(64) 62. – С.58-62.

третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица (п. 1 ст. 1).

Соответственно, понятие коррупции приводится посредством перечисления виновно совершенных общественно опасных деяний, предусмотренных ст. ст. 285, 286, 201, 290, 291, 204 УК РФ, запрещенных УК РФ под угрозой наказания, - коррупционных преступлений.

Указание Генпрокуратуры России №853/11, МВД России №5 от 25 декабря 2018г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»¹ содержит Перечень №23 статей УК РФ, предусматривающих преступления коррупционной направленности (далее – Указание Генпрокуратуры России от 25.12.2018г.).

Термин «коррупционное преступление» в документе не фигурирует, вместо него использован другой – «коррупционная направленность».

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 09.07.2013г. №24 употребляет термин «коррупционное преступление». При этом, ни в УК РФ, ни в Законе от 25.12.2008г. №273-ФЗ, нет нормативно закрепленного понятия «коррупционное преступление».

Как пишет Е.В. Фоменко, применяя такие виды толкования юридических норм, как систематический и логический, можно достаточно легко прийти к умозаключению, что определенный в Законе от 25.12.2008г. №273-ФЗ объем терминов «коррупционные преступления» и «коррупция» подразумевается законодателем как идентичный. Что представляется неверным².

В научной литературе используется различная терминология,

---

¹ <http://www.consultant.ru/>

² Фоменко Е.В. К вопросу о семантике преступлений, связанных с подкупом, и их месте среди преступлений коррупционной направленности // Российский следователь. - 2018. - №6. - С. 35-39.

применительно к рассматриваемой категории преступлений, а именно: «коррупционное поведение», «преступление коррупционной направленности», «преступления, связанные с коррупцией» и др.

К примеру, Е.В. Марьина в автореферате указывает на то, что широкое понимание термина «коррупция» «размывает границы между коррупционным правонарушением и поведением, сопряженным с коррупцией»¹.

Л.А. Букалерева и М.Н. Копылов указывают на тот факт, что «ученые, как и законодатель, не пришли к единому мнению о понятии и видах коррупционных преступлений, несмотря на значительное количество работ по данной тематике»².

Как отмечает М.Н. Кулакова, понятия «коррупционные преступления» и «преступления коррупционной направленности» отождествлять нецелесообразно³.

Например, Н.В. Бугаевская четко проводит грань между ними: коррупционные преступления отражают суть коррупции (безусловные коррупционные преступления – ст. 285, 291, 290, 201, 204), а преступления коррупционной направленности тесно связаны с коррупцией⁴.

Дискуссионным на протяжении достаточно долгого времени является вопрос о перечне иных преступлений коррупционной направленности.

Н.А. Лопашенко указывает на то, что к ним в том числе могут относиться составы преступления, так или иначе связанные с подкупом⁵.

---

¹ Марьина Е.В. Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм: автореф. дис. ... канд. юр. наук. - Самара, 2010. – С.13.

² Букалерева Л.А., Копылов М.Н. К вопросу о понятии «коррупционные преступления» // Общество и право. - 2012. - №1 (38). – С.106.

³ Кулакова М.Н. Понятие и критерии юридической оценки коррупционного преступления // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. - № 2 (42). – С.177.

⁴ Бугаевская Н.В. Формирование понятия «коррупционные преступления» с точки зрения закона и уголовной статистики // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы международной научно-практической конференции (1-2 ноября 2013 г.). Вып. 10. Ч. 1. - Тюмень: ТГАМЭУП, 2013. – С.45.

⁵ Лопашенко Н.А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // Проблемы борьбы с проявлениями

Отдельные специалисты, анализируя Закон от 25.12.2008г. №273-ФЗ, отмечают, что многие известные формы коррупции, закрепленные в УК РФ в качестве преступных деяний, не подпадают под понятие, сформулированное в нем законодателем¹.

В.В. Лунеев в своих работах, формулируя это понятие, отмечает, что как явление коррупцию следует понимать достаточно широко, так как она охватывает практически все злоупотребления должностных лиц, совершенные с корыстной целью².

В целом мы консолидируемся с точкой зрения ученых, отмечающих, что существующий в действующем законодательстве диссонанс в формировании перечня преступлений коррупционной направленности существенно мешает четкому и ясному уяснению и применению его на практике³.

Составы преступлений, перечисленные в Законе от 25.12.2008г. №273-ФЗ, объединяют следующие признаки: умышленная форма вины; специальный субъект - физическое лицо, использующее свое должностное положение вопреки законным интересам общества и государства; связь деяния со служебным положением субъекта; корыстный мотив: корыстная заинтересованность - стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера или иная личная заинтересованность - стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою

криминального рынка. - Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. - С. 21-35.

¹ Комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный) / под ред. С.Ю. Наумова, С.Е. Чаннова. - М.: Юстицинформ, 2009. - С. 5.

² Лунеев В.В. Преступность XX века. - М., 1999. - С. 267.

³ Комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный) / под ред. С.Ю. Наумова, С.Е. Чаннова. М.: Юстицинформ, 2009. - С. 9.

некомпетентность и т.п. (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009г. №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»¹ (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 16.10.2009г. №19).

Перечень №23 статей УК РФ, предусматривающий преступления коррупционной направленности, содержит критерии оценки таких деяний. Как следует из Перечня №23, наличие надлежащих субъектов (должностные лица – в примечаниях к ст. 285, выполняющие управленческие функции лица – в примечаниях к ст. 201); связь деяния с должностным положением лица; корыстный мотив; прямой умысел – это совокупность признаков, позволяющая правоприменителю причислить деяния к преступлениям коррупционной направленности первой группы. Вторая группа содержит безусловные преступления коррупционной направленности (такие, как ст. 289, 290, 291, 291.1, 291.2 и др.). К третьей группе преступлений коррупционной направленности отнесены деяния при наличии определенных условий. К четвертой группе – деяния, которые могут способствовать совершению анализируемых преступлений. Следует отметить, что не только подобное разграничение деяний на группы, но и само причисление их к преступлениям коррупционной направленности достаточно условны, поскольку критерии держатся на ведомственных решениях, не являющихся обязательными с точки зрения закона.

Существует мнение, что к признакам коррупционных преступлений следует отнести:

-совершение сделки, участниками которой являются должностное лицо или служащий, с одной стороны, и лицо, заинтересованное в определенном поведении контрагента, – с другой;

-взаимовыгодный характер коррупционной сделки (при этом возмездность не всегда материальная);

заведомую незаконность сделки;

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. - №12.

-исполняя обязанности по сделке, лицо может действовать в соответствии со своими должностными (служебными) обязанностями или нарушать их¹.

Если ограничиться этими признаками, то спектр коррупционных преступлений сужается до взяточничества и коммерческого подкупа, что является не вполне верным, а, точнее, дискуссионным моментом. С одной стороны, такое сужение правильное: оно концентрирует на главный, ядровый потенциал самодетерминации криминальной коррупции. С другой стороны – не позволяет охватить всю совокупность коррупционных преступлений.

Надо отдать должное доктрине, в которой отмечаются определенные результаты, достижения.

Г.Н. Горшенков обосновывает целесообразность выделения коррупционных преступлений в самостоятельную категорию по специальному признаку – коррупционной сделки. Коррупционная сделка – это «соглашение между физическим лицом (корруптером), представляющим должностному лицу (коррупционеру) по собственной инициативе или в ответ на требования должностного лица определенные блага в целях разового или предполагаемого на перспективу использования должностных полномочий вопреки интересам службы в совместных корыстных интересах»². По мнению автора, такой подход позволит не только изменить критерии оценки, но и выявить ключевой признак деяния – коррупционную сделку. Таким образом, коррупционная сделка предстает в качестве критерия, позволяющего дать юридическую оценку деяния как коррупционного преступления.

---

¹Признаки коррупции в управленческой деятельности // Социально-правовые и социально-психологические проблемы, связанные с коррупцией в ОВД.: <http://studopedia.ru/>

² Горшенков Г.Н. «Противодействие» и «коррупция» как научно не проработанные понятия // Противодействие коррупции на федеральном, региональном и муниципальном уровнях: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 112-летию Юридического института Томского государственного университета и необходимости разработки программы противодействия коррупции на муниципальном уровне. - Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. – С.28.

Для примера положительного зарубежного опыта, термин «коррупционное преступление» не закреплен в уголовном праве Республики Казахстан, но такая ситуация как бы компенсируется перечнем коррупционных деяний (причем, исчерпывающим), который содержится в примечании к Ст. 307 УК Республики Казахстан, определен законодателем, а не силовыми ведомствами (как в России). Тогда законодательное определение термина «коррупционное преступление» становится фактически не нужным¹.

В отечественной доктрине высказываются различные предложения по решению анализируемых проблем. К примеру, авторы В.А. Григорьев и В.В. Дорошин включают в перечень уголовно наказуемых деяний 80 составов преступлений, которые при определенных условиях должны относиться к коррупционным².

В.В. Кулыгин предлагает включить четкий перечень коррупционных преступлений в ст. 1 Закона от 25.12.2008г. №273-ФЗ³.

Интересно мнение И.А. Цоколова, предлагающего два варианта решения проблемы:

1) сформировать в Особенной части УК РФ отдельную главу, включающую коррупционные преступления; либо 2) дополнить УК РФ статьей 14.1 «Коррупционное преступление»⁴.

Таким образом, уголовно-правовой признак компенсируется неконкретным ведомственным признаком – направленностью, который также не определен. При этом собственно коррупционный признак

---

¹ Борьба с коррупцией в государственных органах Республики Казахстан: учебное пособие / под ред. Е.О. Алауханова. - Алматы, 2008. URL: <http://www.allpravo.ru/library/>

² Григорьев В.А., Дорошин В.В. Коррупционное преступление: понятие, признаки, виды // <http://www.lawmix.ru/comm/2042>

³ Кулыгин В.В. О возможности оптимизации антикоррупционного законодательства // Проблемы формирования и реализации антикоррупционной и антикриминальной политики: сборник по материалам Шестой сессии Дальневосточной криминологической школы. - Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2009. – С.13-15.

⁴ Цоколов И.А. Проблемы уголовного преследования лиц, совершивших коррупционные преступления. Статья 1. К вопросу об оптимизации понятия «коррупционное преступление» // Российский следователь. - 2011. - №5. – С.17.

(криминологический) – подкуп-продажность – явно в списке критериев не выражен. Его можно «отследить» из перечня составов второй группы безусловных преступлений коррупционной направленности. Как следствие, происходит отождествление преступлений коррупционной направленности с должностными преступлениями.

Субъектом коррупционного преступления может выступать также лицо, заинтересованное в осуществлении определенных действий (бездействия) специальным субъектом.

Таким образом, коррупционное преступление – это общественно опасное, противоправное, виновное и наказуемое умышленное деяние должностного лица или лица, заинтересованного в осуществлении определенных действий (бездействия) должностным лицом, совершаемое исходя из корыстных мотивов, направленное на получение выгоды, имущества, услуг имущественного характера, имущественных прав или незаконного предоставления определенных преимуществ как для себя, так и для третьих лиц. Следует отметить, что, по нашему мнению, понятия коррупции и коррупционного преступления, безусловно, должны включать в себя достаточно широкий круг преступлений, закрепленных в УК РФ, но не стоит ориентироваться при его составлении исключительно на самые распространенные служебные и должностные преступления.

С учетом анализа норм и положений международных нормативных правовых актов в этой сфере считаем необходимым в первую очередь включить в понятие коррупции преступления, в составах которых как обязательный признак объективной стороны закреплен подкуп в отношении должностных лиц или лиц, выполняющих управленческие функции в организациях.

1.2. Ответственность за коррупционные преступления по зарубежному уголовному законодательству

Анализируя российское законодательство об ответственности за коррупционные преступления целесообразно провести сравнительный анализ с зарубежным законодательством.

В частности, если сравнить уголовное законодательство Российской Федерации и зарубежных стран в части закрепления ответственности за коммерческий подкуп, то можно сказать, что в ряде развитых стран таких как Франция, Швейцария и ФРГ уголовная ответственность за коммерческий подкуп отсутствует.

Что касается ответственности за взяточничество, то, к примеру, закон Великобритании о борьбе со взяточничеством, принятый 8 апреля 2010 года, вступил в силу в апреле 2011 года (далее по тексту - Закон о борьбе со взяточничеством). Данный нормативный акт заменяет собой группу действовавших антикоррупционных законов Великобритании, несовершенство которых подвергалось частой критике со стороны органов прокуратуры, а также политиков и неправительственных организаций.

В соответствии с положениями данного Закона определяются новые виды правонарушений, которые призваны оптимизировать работу правоохранительных органов Великобритании. Кроме того, действие Закона о борьбе со взяточничеством направлено и на деятельность компаний, осуществляющих предпринимательскую деятельность, которым, в свою очередь, нужно будет принимать их во внимание в процессе управления рисками. Учитывая, что соответствие требованиям данного Закона может потребовать значительных изменений и усовершенствования программ по соблюдению законодательства, компаниям следует особое внимание обратить на разработку и принятие мер для решения данной задачи. Как неоднократно отмечалось и в прессе, и исследователями¹, коррупция в

---

¹ Гуров А.И. Коррупция угрожает национальным интересам России. Борьба с коррупцией:

хозяйственной деятельности компаний становится одной из самых значительных и трудноразрешимых проблем современного бизнеса.

Сложность раскрытия коррупции и взяточничества заключается в том, что названные неправомерные действия совершаются скрытно и участвующие в них стороны не заинтересованы в распространении информации о достигнутом между ними соглашении. В связи с этим расследование фактов взяточничества сопряжено с многочисленными препятствиями, осложняется сокрытием доказательств и отсутствием свидетелей, а также нежеланием самой корпорации участвовать в расследовании¹.

Принимая во внимания указанные аспекты и учитывая их, Правительство Великобритании ввело в действие Закон о борьбе со взяточничеством. Как отмечают аналитики², активизация борьбы с коррупцией уже создает проблемы нарушителям, стремящимся достигнуть увеличения своих доходов путем подкупа государственных должностных лиц.

Справедливости ради необходимо отметить, что, несмотря на все недостатки много критикуемого антикоррупционного законодательства, на смену которому приходит Закон о борьбе со взяточничеством, правоохранные органы Великобритании в последнее время стали более активно привлекать нарушителей к ответственности за коррупционные преступления как уголовного, так и гражданско-правового характера. Так, в

актуальные проблемы законодательного обеспечения. Сборник статей и документов. - М.: Издание Государственной Думы РФ, 2002. – С.123; Бочков С.О. Борьба с коррупцией: гражданско-правовые аспекты // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. - 2006. - №3-4. – С.89-93.

¹ Acemoglu, D.; Verdier, Th. Property rights, corruption and the allocation of talent: a general equilibrium approach. *Econ. Journal. Cambridge etc.*, 1998. Vol. 108. № 450. - P. 1381-1403.
Acemoglu, D.; Verdier, T. The choice between market failures and corruption. *Amer. econ. Review. Nashville*, 2000. Vol. 90, №1. - P. 194-211.

² Захаров А. В рамках конференции «Бизнес в России: безопасность (не) гарантируется!» по вопросам безопасности ведения бизнеса в России принимал участие вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ Александр Захаров // <http://korrossia.ru>; Премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон в ходе выступления перед студентами Московского государственного университета 12.09.2011 // <http://www.rbcdaily.ru/>

результате выявленных нарушений британские компании подверглись штрафам на общую сумму, достигающую 30 млн фунтов стерлингов, что, несомненно, является не только адекватной мерой ответственности за совершенные правонарушения, но и одним из способов пополнения бюджета.

Вместе с тем в рамках действующего в Великобритании законодательства к ответственности за данный вид правонарушений могут быть привлечены не только компании. Например, в апреле 2010 года Джон Дугалл, один из бывших руководителей DePuy International, был приговорен Королевским судом Саутворка к 12 месяцам тюрьмы за дачу взятки медицинским специалистам греческой государственной системы здравоохранения в размере 4,5 млн фунтов стерлингов¹. Приведение данного приговора в исполнение было впоследствии приостановлено при рассмотрении апелляционной жалобы.

Введение в Закон о борьбе со взяточничеством новых видов правонарушений позволяет предположить, что текущая тенденция роста случаев привлечения к ответственности за подобные преступления в Великобритании по данной статье, скорее всего, сохранится.

Итак, какие правонарушения и меры ответственности предусмотрены в Законе о борьбе со взяточничеством? В соответствии с Законом о борьбе со взяточничеством максимальное наказание за взяточничество увеличено с семи до десяти лет лишения свободы, а также может предусматривать штраф. Сумма штрафа, налагаемого на компании, не ограничена. Однако необходимо отметить, что в новом Законе не упомянут метод расчета и взыскания штрафа.

Закон о борьбе со взяточничеством содержит следующие основные положения:

1) устанавливается два вида правонарушений:

-подкуп (в форме предложения, обещания или непосредственного совершения);

---

¹ <http://www.whitecase.com>.

-требование или согласие на получение или принятие предмета подкупа;

2) вводится понятие правонарушения в форме подкупа иностранных государственных чиновников (в отношении данного вида правонарушения процедура доказательства, по всей видимости, менее сложна, чем в отношении общих нарушений, упомянутых выше);

3) вводится понятие нового корпоративного правонарушения - неспособность предотвратить дачу взятки "ассоциированным" лицом от лица компании.

Данное нововведение является наиболее важным для компаний, осуществляющих инвестиционную деятельность.

В Великобритании функции органа следствия и уголовного преследования в данной сфере возложены на Управление по борьбе с крупным мошенничеством (Serious Fraud Office)¹, которое развернуло активную деятельность и устанавливает правила, на основании которых будет осуществлять надзор за чистотой корпоративной культуры.

В частности, Управление признает, что скрытый характер коррупционных действий серьезно осложняет расследование фактов дачи и принятия взятки и тем более уменьшает шансы выявить и раскрыть ситуации, отнесенные к сфере применения Закона о взятках.

Поэтому Управление разработало ряд принципов и руководств, которые будут использоваться специалистами и следователями, занятыми в регулирующей деятельности.

В соответствии с Законом лицо считается ассоциированным с коммерческой организацией (британские компании и партнерства или иные компании и партнерства, которые полностью или частично осуществляют свою деятельность в Великобритании), если оно оказывает услуги от ее имени. В качестве примеров Закон приводит работников, агентов и дочерние компании организации. Данное определение сформулировано достаточно

---

¹ <http://www.vedomosti.ru/>

широко, и есть вероятность, что оно будет распространяться и на другие лица, например, на третьи стороны или деловых партнеров.

Таким образом, компаниям необходимо обеспечить наличие надлежащих процедур для мониторинга и контроля за деятельностью всех потенциально ассоциированных сторон, чьи действия могут привести к привлечению компании к ответственности в соответствии с новым Законом.

Ассоциированными сторонами помимо перечисленных в Законе лиц могут быть, например, партнеры по совместному предприятию и дистрибьюторы.

Среди прочего составлен перечень действий, совершаемых в ходе коммерческой деятельности организации, на которые следует обращать особое внимание ввиду их потенциальной связи с коррупцией и взяточничеством. Они были названы индикаторами коррупции.

Руководствуясь вышеприведенными индикаторами, работники Управления вправе осуществлять следственные действия в отношении организации, деятельность которой потенциально может включать в себя взяточничество. Напомним, что Закон о взятках (UK Bribery Act) предусматривает четыре новых вида преступлений, связанных с дачей и принятием взятки, а также предложением взятки гражданскому служащему иностранного государства и ее принятием. Предусматриваются различные виды наказаний: от штрафа без ограничения размера до лишения свободы сроком до 10 лет.

При этом новый Закон о взяточничестве предоставляет органам следствия свободу усмотрения при решении вопроса о назначении наказания (в любом случае итоговое решение принимается судом) и возбуждении производства по гражданскому или уголовному делу. В связи с этим Управление выпустило специальное руководство, посвященное процедурам взаимодействия с организациями и проведения расследований.

Необходимо отметить, что единственным средством защиты для организации, которой предъявлено обвинение в корпоративном

правонарушении, является доказательство того, что она ввела в действие «адекватные процедуры», препятствующие осуществлению подкупа.

В настоящее время правительство Великобритании представило разработанные разъяснения по составу «адекватных процедур». Данные разъяснения носят рекомендательный характер, как и прочие уже существующие подробные руководства, и в каждом конкретном случае, при вынесении решения, суд проводит оценку самостоятельно.

Положения Закона о борьбе со взяточничеством во многом шире требований Закона США о борьбе с коррупцией во внешнеэкономической деятельности (FCPA), в котором речь идет о подкупе иностранных государственных чиновников, но не частных лиц.

Таким образом, действующие программы по соблюдению законодательства, подготовленные с учетом положений FCPA, должны быть пересмотрены с целью обеспечения их соответствия требованиям Закона о борьбе со взяточничеством. В частности, Закон о борьбе со взяточничеством не предусматривает никаких исключений для так называемых платежей для упрощения формальностей или «спонсирования делового визита правительственных делегаций».

Экстерриториальный характер Закона о борьбе со взяточничеством обязывает британские компании или компании, осуществляющие деятельность в Великобритании, вводить антикоррупционные процедуры, удовлетворяющие требованиям данного Закона, во всех странах, в которых они ведут деятельность. Необходимо отметить, что страны и виды деятельности с самым высоким риском коррупции не обязательно являются крупнейшими с точки зрения оборота.

В целях реализации положений Закона первое, что компания может сделать, - это организовать внутреннюю рабочую группу для оценки последствий введения Закона о борьбе со взяточничеством.

Исходя из практического опыта работы в сфере правоприменительных действий, с учетом положений существующих рекомендаций, утвержденных

Правительством Великобритании, эксперты в области финансового мониторинга выделяют ряд вопросов, которые необходимо рассмотреть при формировании антикоррупционной политики, процедур и средств контроля в компаниях, осуществляющих инвестиционную деятельность в других государствах.

Во-первых, это касается деловой этики, позиции руководства и установленных мер ответственности:

-возлагается ли ответственность за разработку антикоррупционных процедур на уполномоченного представителя высшего руководства, имеющего доступ к совету директоров?

-существует ли в компании четкая антикоррупционная политика или кодекс корпоративной этики, которые последовательно и в явной форме поддерживаются высшим руководством, тем самым подтверждая его позицию в отношении коррупции?

-обязаны ли сотрудники, представители и деловые партнеры регулярно подтверждать, что они ознакомились с антикоррупционной политикой компании и выполняют все требования ее положений?

Во-вторых, в компании должны быть утверждены программы по борьбе со взяточничеством и с коррупцией (оценка рисков):

-регулярно ли компания осуществляет оценку риска коррупции в отношении своей деятельности для выявления областей потенциального риска и обеспечения постоянной эффективности антикоррупционных процедур компании?

При ответе на данный вопрос исследуются и учитываются следующие факторы:

- осуществление деятельности в странах с высоким уровнем коррупции;
- осуществление деятельности через торговых агентов, совместные предприятия или прочие третьи лица;
- ведение бизнеса с государственными заказчиками;
- осуществление деятельности в сферах, характеризующихся высоким

уровнем коррупции;

-деятельность, в рамках которой деловые представительские расходы являются существенной составляющей процесса продаж;

-случаи подкупа внутри компании или в сферах ее деятельности/странах осуществления ее деятельности в прошлом.

В-третьих, группа вопросов, связанных с обучением и информированием в компании:

-проводит ли компания регулярные тренинги по вопросам соблюдения внутренних антикоррупционных процедур для своих работников, представителей и деловых партнеров?

-отслеживается ли посещаемость данных тренингов?

-существует ли в компании механизм предоставления детальных и оперативных рекомендаций руководителям, директорам, работникам, сотрудникам, представителям и деловым партнерам в отношении соблюдения антикоррупционных процедур в потенциально проблемных ситуациях (одним из примеров может служить наличие горячей линии по вопросам соблюдения требований указанных процедур)?

-информирует ли компания своих сотрудников, представителей и деловых партнеров об антикоррупционных процедурах в рамках процессов управления эффективностью своей деятельности?

В-четвертых, соблюдение установленных в компании требований:

-регулярно ли в компании отслеживается соблюдение антикоррупционных процедур сотрудниками, представителями и деловыми партнерами, например, посредством проведения внутреннего аудита?

-существует ли в компании механизм, позволяющий ее сотрудникам, представителям и деловым партнерам сообщать о подозрениях в коррупционной деятельности конфиденциально, например, посредством телефонной горячей линии?

-существует ли в компании план быстрого и эффективного реагирования на выявленные факты коррупции?

-существует ли в компании процедура применения к сотрудникам, представителям и деловым партнерам дисциплинарных мер в отношении нарушения антикоррупционных процедур?

-существует ли в компании система внутреннего контроля, позволяющая вести учет и отражать хозяйственные операции таким образом, чтобы предотвратить осуществление и сокрытие коррупционных действий?

-учитывается ли риск коррупции при оценке финансового состояния в рамках сделок по слиянию и поглощению (вопросы коррупции могут быть ключевыми в принятии решения о покупке и должны решаться до, а не после сделки)?

Таким образом, эффективную программу по борьбе со взяточничеством и с коррупцией, с учетом сложившейся практики реализации программ и соответствия законодательству проектов в области внутреннего контроля, можно представить в качестве системы мер по борьбе со взяточничеством и с коррупцией, которая учитывает специфику и риски коррупции каждой отдельной организации.

Система мер по борьбе со взяточничеством и с коррупцией должна включать следующие положения.

1. Культура, среда и модель поведения, которых придерживается высшее руководство.

2. Организационная структура и делегирование полномочий.

3. Инфраструктура обеспечения соответствия Закону:

-политика соблюдения принципов корпоративной этики/моделей делового поведения;

-программа обучения;

-организация обеспечения соответствия Закону;

-разглашение фактов наличия коррупционных действий и проведение соответствующих консультаций;

-проведение расследований и мониторинг;

-дисциплинарная политика и процедуры.

4. Меры по управлению рисками:

-дарение/принятие подарков, организация развлечений, спонсорство и пожертвования;

-проведение тендеров, заключение соглашений в области экспорта и договорных соглашений;

-организация закупок;

-лицензирование/ведение переговоров с регулируемыми органами;

-участие посредников - третьих сторон;

-сделки по приобретению и продаже имущества;

-организация совместных предприятий и производства.

5. Финансовые и бухгалтерские меры:

-контроль за расходованием средств;

-ведение процесса от закупки до оплаты;

-управление дебиторской задолженностью;

-управление затратами по проекту;

-ведение бухгалтерского учета;

-контроль за информационными системами.

6. Отчетность, коммуникация и управление заинтересованными лицами.

7. Управление рисками.

8. Управление эффективностью деятельности персонала.

9. Мониторинг и аудит¹.

Антикоррупционную программу в рамках компании целесообразнее основывать на принципах построения системы внутреннего контроля COSO², направленной на усовершенствование существующих или

---

¹ Bradley, A. W. Parliamentary privilege and the common law of corruption: R. v. Greenway and others // Publ. law. - L., 1998. - Autumn. - P. 356-363. Cohen, S. Crime and politics: spot the difference // Brit. j. of sociology. - L., 1996. - Vol. 47, №1. - P. 1-21; Davoodi, H. Roads to nowhere : How corruption in publ. investment hurts growth. - Wash.: Intern. monetary fund, 1998. - III, 12 p.

² Документ именуется «Внутренний контроль: интегрированный подход» (COSO) - (the Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission's Internal control -

разработку новых процедур по борьбе со взяточничеством и с коррупцией.

Данная программа позволяет использовать эталонный набор подробных процедур контроля, на основании которых разрабатывается внутренний подход к оценке коррупционных рисков в компании.

В качестве средств контроля могут выступать так называемые встроенные процедуры контроля, которые представляют собой антикоррупционные процедуры и средства контроля в бизнес-процессах. Например, это могут быть следующие процедуры:

- предварительная проверка потенциальных торговых агентов, партнеров по совместному предприятию и других деловых партнеров;

- надлежащая проверка и процедуры авторизации в отношении характера и цели выплат;

- право на проведение проверки деятельности отдельного торгового агента, делового партнера или партнера в совместном предприятии;

- определенные процедуры контроля, регламентирующие дарение/принятие подарков, организацию развлечений, представительские и командировочные расходы, финансовую поддержку политических партий, лоббирование интересов, благотворительность, спонсорство и «платежи для упрощения формальностей».

Предложенная выше система мер позволяет сделать вывод о том, что результативность мероприятий по борьбе со взяточничеством и с коррупцией обеспечивается сочетанием эффективной внутренней культуры и действующих средств контроля на уровне бизнес-процессов.

Вместе с тем само по себе принятие и существование кодекса корпоративного поведения не является достаточным, поскольку организация остается уязвимой со стороны недобросовестных сотрудников.

При этом средства контроля на уровне бизнес-процессов не смогут

Integrated Framework) - содержит основные принципы организации системы внутреннего контроля в компании и является верхнеуровневым руководством для ее создания и совершенствования. Коптелов А.К. Управление бизнес-процессами и развитием информационных технологий // Финансовая газета 2007.: <http://businessprocess.narod.ru/>

предотвратить сговор лиц или учесть все возможности совершения противоправных действий, следовательно, необходимо и наличие в компании эффективной культуры антикоррупционного поведения.

Удачная практика применения норм об уголовной ответственности за обещание и предложение взятки в зарубежном уголовном законодательстве и прежде всего в странах постсоветского пространства.

Подобный уголовно-правовой запрет содержится в УК Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. (ст. 333), УК Грузии (ст. 221 и 164.1), УК Эстонии (ст. 402) и др.

Как правило, уголовно наказуемыми признаются согласие либо требование должностного лица дать взятку, а также предложение имущественных выгод со стороны взяткополучателя.

Принятие данных поправок вызвало в зарубежных странах беспрецедентный рост обращений граждан по факту совершения коррупционных преступлений. В частности, в Молдове в 70 раз вырос коэффициент заявлений чиновников о попытках подкупа со стороны граждан. На судей стали доносить о том, что они пытались взять взятку. Кроме того, криминализация обещания и предложения взятки позволила выявить наиболее криминогенные секторы государственного управления в Молдове (судебную систему, таможенную службу, госзакупки, образование, здравоохранение и систему социальной защиты) и скорректировать политику раннего предупреждения преступлений¹.

По итогам анализа вопросов, изложенных в первой главе, необходимо сделать следующие выводы:

Коррупционное преступление – это общественно опасное, противоправное, виновное и наказуемое умышленное деяние должностного лица или лица, заинтересованного в осуществлении определенных действий

---

¹ Исследование: каждый второй житель Молдовы давал взятки в госучреждениях // <http://ru.publika.md/>

(бездействия) должностным лицом, совершаемое исходя из корыстных мотивов, направленное на получение выгоды, имущества, услуг имущественного характера, имущественных прав или незаконного предоставления определенных преимуществ как для себя, так и для третьих лиц. Следует отметить, что, по нашему мнению, понятия коррупции и коррупционного преступления, безусловно, должны включать в себя достаточно широкий круг преступлений, закрепленных в УК РФ, но не стоит ориентироваться при его составлении исключительно на самые распространенные служебные и должностные преступления.

С учетом анализа норм и положений международных нормативных правовых актов в этой сфере считаем необходимым в первую очередь включить в понятие коррупции преступления, в составах которых как обязательный признак объективной стороны закреплен подкуп в отношении должностных лиц или лиц, выполняющих управленческие функции в организациях.

Российское государство шло достаточно плавно к появлению уголовной ответственности за коммерческий подкуп и появление данного понятия в уголовном законодательстве напрямую связано с экономической политикой государства, но важно отметить, что развитие данной области уголовно правовых отношений не стоит на месте и совершенствуется, что доказывается появлением ст. ст. 204.1 и ст. 204.2 в УК РФ. Если сравнить уголовное законодательство Российской Федерации и зарубежных стран, то можно сказать, что в ряде развитых стран таких как Франция, Швейцария и ФРГ уголовная ответственность за коммерческий подкуп отсутствует.

ГЛАВА 2. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕМ И ПРЕВЫШЕНИЕМ ПОЛНОМОЧИЙ

2.1. Особенности квалификации преступлений, предусмотренных ст. 201 и 285 УК РФ

Злоупотребление властью сегодня является предметом внимания законодателей и юристов, занимающихся систематической борьбой с коррупцией в государственных органах и учреждениях. Данный вид преступлений представляет собой серьезное препятствие для верховенства закона и рыночной экономики и выражается в дискредитации всей системы государственной власти, тем самым снижая уровень общественного доверия со стороны граждан.

Как отмечает Д. Э. Куржепей злоупотребление властью обычно имеет место в отношении людей, которые занимают влиятельные посты в обществе. Здесь вы можете увидеть, что злоупотребление может быть сделано намеренно. Есть люди, которые неправильно используют свою силу, зная, что это неправильно, и есть те, кто злоупотребляет властью, не зная, что это неправильно. С другой стороны, злоупотребление является не преступлением, а критикой со стороны широкой общественности и оппозиции в целом. В случае злоупотребления наркоманией нет, но, с другой стороны, злоупотребление часто заканчивается утратой власти и положения в обществе. Неправильное использование приводит к взяточничеству и коррупции, когда оно связано с властью¹.

Основным непосредственным объектом такого состава преступления, как злоупотребление полномочиями, являются общественные отношения,

---

¹ Куржепей Д. Э. Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий // Наука. Общество. Образование: сборник трудов конференции. – Иркутск, 2018. - С. 4-5.

обеспечивающие нормальное функционирование коммерческой или иной организации, а злоупотребления должностными полномочиями – определенная ветвь государственной или муниципальной власти, конкретного государственного или муниципального органа, определенного государственного или муниципального учреждения, государственной корпорации, государственной компании, государственного и муниципального унитарного предприятия, акционерного общества, контрольный пакет акций которого принадлежит Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию, органа управления Вооруженными Силами, другими войсками и воинскими формированиями Российской Федерации.

Выделение всех видов объектов преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, в совокупности играет важную роль при его квалификации. На практике могут возникнуть трудности при выборе уголовно-правовой нормы, в случае если субъект квалификации недолжным образом установил объект посягательства¹. После установления объекта преступления следует переходить к объективной стороне состава преступления.

Объективная сторона рассматриваемых преступлений имеет три обязательных признаков: 1) лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации и должностное лицо (специальный субъект) использует свое служебное полномочие вопреки интересам службы как в форме действия, так и бездействия; 2) последствия наступают в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства; 3) причинно-следственной связь между деянием специального субъекта и его последствием.

Как отмечают Д.В. Сердюк и В.П. Алехин, одним важным и нераскрытым вопросом, который препятствует правильной и точной

---

¹ Попова Н. А., Подковыров Е. А. Проблемные аспекты разграничения злоупотребления должностными полномочиями от служебного подлога // Актуальные вопросы юридической науки и практики. - Тамбов. - 2015. - С. 117-122.

квалификации преступления в статье 285 УК РФ, является отсутствие полного толкования характеристики использования полномочий¹. Так как использование должностных полномочий подразумевает применение активных действий виновным, то принцип совершения злоупотребления полномочиями путем бездействия также вызывает множество дискуссий. В след за этим встает вопрос о том, что необходимо конкретизировать в законодательстве возможность квалификации рассматриваемого вида преступления, учитывая, что совершение может произойти действием или бездействием. Так выдвигаются и рассматриваются условия,

Одним из спорных моментов, связанных с квалификацией преступлений, предусмотренных ст. ст. 201 и 285 УК РФ, связан с признаками субъективной стороны.

Так, некоторые исследователи полагали, что недопустимо решать вопрос о форме вины, разделяя объективную сторону на множество составных частей. В частности, Б. В. Здравомыслов по данному вопросу утверждал следующее: «Указание на умышленность в злоупотреблении служебными полномочиями относится только к самому деянию, характер вины по отношению к последствиям непосредственно в законе не указан.

Указание в законе на корыстную, иную личную заинтересованность характеризует само совершенное деяние, что допускает возможность самостоятельного определения вины в отношении последствий»².

В качестве примера имевший место в г. Уфа Артемьева А.В. обвинялась в совершении преступления, предусмотренных ч. 2 ст. 293, ч.3 ст. 285 УК РФ. Что касается предъявленного подсудимой обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 285 УК РФ, то суд пришел к выводу, что Артемьева А.В. не исполнила свои обязанности по рассмотрению в установленные уголовно-процессуальным законом порядке

---

¹ Сердюк Д.В., Алехин В. П. Проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями // Аллея науки. - 2018. Т. 6. - №5 (21). - С. 966-970.

² Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. - М.: Юридическая литература, 1975. - С. 76.

и сроки и принятию решения по сообщению о преступлении вследствие недобросовестного отношения к службе, что ошибочно расценено стороной обвинения в качестве иной личной заинтересованности, при этом каких-либо бесспорных и достоверных доказательств наличия у Артемьевой иной личной заинтересованности стороной обвинения суду не представлено. Суд признал её виновной в совершении преступления, предусмотренного только по ч. 2 ст. 293 УК РФ¹.

Анализируя возможность признания в составе ст. 285 УК РФ двойной формы вины, важно отметить ст. 27 УК РФ, в которой законодателем предусмотрена возможность наличия двух форм вины в одном преступлении в некоторых случаях:

1) если деяние вне зависимости от последствий является преступлением, где последствия, наступающие в случае совершения умышленного преступного деяния, причиняются с неосторожной формой вины;

2) если законодателем предусмотрено два преступных последствия в едином составе преступления, одно из которых совершает умышленно, а второе — ввиду неосторожности.

Тем не менее, ст. 285 УК РФ такого не предусматривает. Указанное в ч. 1 ст. 285 УК РФ деяние не является само по себе преступлением. Последствие для данного состава существует лишь одно. Как результат, вывод о том, что в составе ч. 1 ст. 285 имеют место две формы вины, не может применяться — данное преступление может быть совершено либо с прямым, либо с косвенным умыслом.

Аналогично толкуется вина в преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 285 УК РФ, в которой указывается на злоупотребление должностными полномочиями, повлекшее наступление тяжких последствий. Литература содержит в себе мнения ученых, предполагающих, что здесь может

---

¹ Приговор № 1-440/2017 1-9/2018 от 20 февраля 2018 г. по делу № 1-440/2017 // <http://www.consultant.ru/>

существовать двойная форма вины, учитывая два преступных последствия: одно предусмотрено ч. 1 ст. 286 УК РФ (причиняется умышленно), а второе – ч. 3 ст. 285 УК РФ (причиняется по неосторожности). В рамках рассмотрения данного вопроса можно говорить о том, что при наличии неосторожной вины, с которой должностным лицом причиняются преступные последствия, следует говорить о халатности (ст. 293 УК РФ)

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 285 УК РФ конститутивным признаком субъективной стороны состава злоупотребления должностными полномочиями выступает мотив совершения данного преступления, имеющий альтернативный характер и заключающийся в корыстной или иной личной заинтересованности виновного лица.

Таким образом, уголовный закон, во-первых, говорит об обязательности данного признака для рассматриваемого состава преступления и, во-вторых, подчеркивает, что корысть, будучи типичной разновидностью личной заинтересованности, все же не исключает и другие охватываемые понятием личной заинтересованности побуждения лица, совершающего данное уголовно наказуемое деяние.

В теории уголовного права мотив преступления раскрывается через побуждения лица, его совершающего. Побуждения обусловлены определенными (доминирующими) потребностями данного лица. В свою очередь, с потребностями связана совокупность (система) таких побудительных факторов, как убеждения, стремления, взгляды, идеалы личности. Следовательно, первичными являются именно потребности, формирующиеся под воздействием социума и создающие фундамент, на котором строится вся психическая деятельность лица, его чувства, ум и воля, мотивация его поведения, в том числе преступного¹.

Как справедливо отмечает А.И. Рарог, в связи с тем, что уголовное право исследует только преступное деяние, из всех мотивов, которые

---

¹ Уголовное право России: Учеб. В 2 т. Т. 1. Общая часть / Под ред. Н.Г. Кадникова. - М.: Юриспруденция, 2018. - С. 174-175.

определяют социально значимое поведение того или иного лица, уголовно-правовое значение имеют «только те из них, которые побудили его совершить преступление и проявились в нем, то есть преступные мотивы, или точнее - мотивы преступления»¹. В этой связи Л.Д. Гаухман подчеркивает, что для квалификации содеянного и наступления уголовной ответственности имеют значение только такие мотивы, которые являются обязательным признаком субъективной стороны конкретного состава преступления, т.е. которые непосредственно указаны в диспозиции соответствующей статьи Особенной части УК РФ или вытекают из юридической природы данного состава².

Поскольку мотивы злоупотребления должностными полномочиями имеют для данного состава преступления обязательное значение, в тех случаях, когда по делу не установлена корыстная или иная личная заинтересованность должностного лица, пусть даже и использовавшего свои полномочия вопреки интересам службы и причинившего существенный вред правам и законным интересам граждан или организаций, а равно охраняемым законом интересам общества или государства, то, несмотря на наличие других объективных и субъективных признаков состава, основание уголовной ответственности по ст. 285 УК РФ будет отсутствовать.

Содержание понятия корыстной или иной личной заинтересованности раскрыто в п. 16 Постановления Пленума ВС РФ от 16.10.2009г. №19. При этом корыстная заинтересованность определена как стремление должностного лица посредством неправомερных действий извлечь для себя или других лиц выгоду имущественного характера, которая не должна быть связана с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц. Иная личная заинтересованность трактуется Пленумом ВС РФ как стремление должностного лица извлечь выгоду

---

¹ Рагог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: Практ. пособие. - М.: ТК «Велби»; Проспект, 2006. - С. 106.

² Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. - М.: ЮрИнфоР, 2013. - С. 166-167.

неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса и т.п.

Согласимся с мнением И.Ф. Кильчицкого о том, что Пленуму ВС РФ целесообразно расширить свои разъяснения, касающиеся мотивов злоупотребления должностными полномочиями, особенно иной личной заинтересованности, в том числе относительно юридической оценки совершения рассматриваемого деяния на основе ложно (неправильно) понятых интересов службы, например при сокрытии сообщений о преступлениях или ином укрывательстве последних сотрудниками правоохранительных органов, трактуемых в теории уголовного права и в практике судов и органов предварительного расследования весьма неоднозначно. Так, за данным поведением признается как качество уголовно наказуемого злоупотребления должностными полномочиями, так и нарушения служебной дисциплины¹.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ мотивы преступления подлежат доказыванию при производстве по уголовному делу наряду с виновностью лица и формой его вины. При этом считаем недопустимой ситуацию, когда в процессуальных документах по уголовному делу указываются все альтернативные мотивы, содержащиеся в применяемой уголовно-правовой норме, без конкретизации и обоснования принятого решения. По нашему мнению, в ряде случаев за этим стоит простое копирование диспозиции соответствующей статьи Особенной части УК РФ без учета того, что в ней мотивы преступления приводятся с использованием разделительного союза «или», что подтверждает их альтернативный характер.

Полагаем, что на данную проблему следует обратить внимание,

---

¹ Кильчицкий И.Ф. Иная личная заинтересованность как мотив должностного преступления. Судебная практика // Право в Вооруженных Силах. - 2014. - №6. - С. 22-30.

дополнив Постановление Пленума ВС РФ от 16.10.2009г. №19 разъяснением о том, что судам в приговоре или ином итоговом решении по уголовному делу о злоупотреблении должностными полномочиями надлежит указывать только тот мотив (те мотивы) действий (бездействия) виновного лица, который подтвержден исследованными доказательствами. При одновременном указании мотивов в виде корыстной и иной личной заинтересованности судам необходимо обосновать свой вывод о том, что виновное лицо совершило преступление при наличии у него как первой, так и второй разновидности заинтересованности.

По нашему мнению, указание на два мотива деяния свидетельствует о возрастании степени его общественной опасности, поэтому необоснованный учет и корыстной, и иной личной заинтересованности при фактическом наличии только одного из данных побуждений может приводить к нарушению принципа справедливости уголовной ответственности.

Например, бывший начальник военного госпиталя Л. был признан виновным в злоупотреблении должностными полномочиями, совершенном из корыстной и иной личной заинтересованности.

Согласно приговору суда первой инстанции Л., желая создать видимое благополучие в возглавляемом им учреждении посредством обустройства его объектов и тем самым добиться благоприятного отношения к себе со стороны вышестоящего командования, а также стремясь использовать денежные средства подчиненных ему сотрудников госпиталя из числа гражданского персонала в личных целях, действуя умышленно из корыстной и иной личной заинтересованности, используя предоставленные ему служебные полномочия по осуществлению выплат стимулирующего характера личному составу, вопреки интересам службы дал незаконное указание нескольким своим подчиненным собрать денежные средства с гражданского персонала (всего 20 человек) на общую сумму 738 700 рублей, которые ранее были начислены последним на основании изданных Л. приказов о производстве им указанных выплат.

Суд первой инстанции установил, что своими действиями Л. причинил значительный материальный ущерб потерпевшим и тем самым существенно нарушил их права и законные интересы, поскольку распорядился указанными денежными средствами по своему усмотрению, потратив часть средств на ремонт внутренних помещений и зданий госпиталя, а также на приобретение иного имущества.

При рассмотрении данного дела в апелляционном порядке Третий окружной военный суд не усмотрел в имеющихся материалах достоверных данных о совершении Л. действий из корыстных побуждений. В связи с этим указание на корыстный мотив было исключено из приговора со снижением назначенного Л. наказания¹.

В приведенном примере суд апелляционной инстанции сохранил ту же квалификацию преступления, однако конкретизировал мотив незаконных действий должностного лица, что в полной мере согласуется с принципами вины и справедливости, а также вытекает из содержания диспозиции ст. 285 УК РФ в сочетании с фактическими обстоятельствами данного дела. Полагаем, в подавляющем большинстве случаев имеется возможность установить, какой именно мотив был преобладающим в поведении виновного лица и способствовал формированию и реализации умысла на совершение злоупотребления должностными полномочиями.

Отметим, что на практике также имеют место случаи, когда иная личная заинтересованность презюмируется правоприменителями исходя из самого факта незаконности умышленных действий должностного лица, осуществленных в чьих-либо интересах.

Так, Т., не наделенная полномочиями по оформлению регистрации по месту пребывания, ввела в заблуждение обратившихся к ней с соответствующей просьбой российских граждан Ж. и П. относительно своей

---

¹ Обзор судебной работы гарнизонных военных судов по рассмотрению уголовных дел за 2017 год, подготовленный Третьим окружным военным судом // Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ за 2018 год // <http://www.consultant.ru/>

компетенции в данной области и получила от них 28 000 рублей за такое оформление. Реализуя умысел на совершение мошенничества в отношении данных лиц, Т. сообщила ту же просьбу своей знакомой С., являвшейся главным специалистом-экспертом отделения по вопросам миграции органа внутренних дел, не осведомленной о ее преступных намерениях.

Согласно приговору суда первой инстанции С., признанная виновной в злоупотреблении должностными полномочиями и служебном подлоге, действовала по просьбе своей знакомой Т. на основе иной личной заинтересованности, выразившейся в желании помочь Ж. и П., являвшимся знакомыми Т., и получить расположение последней. Она оформила им регистрацию по месту пребывания на территории города Москвы для получения бесплатного медицинского обслуживания по поводу онкологического заболевания, и внесла в свидетельства ложные данные об этой регистрации в квартире, где С. сама зарегистрирована и проживает.

Московский городской суд, рассмотрев данное дело в апелляционном порядке, отменил приговор, поскольку установил, что суд первой инстанции не убедился должным образом в обоснованности обвинения, предъявленного С. по ч. 1 ст. 285 и ч. 2 ст. 292 УК РФ, и не обеспечил необходимую проверку его доказанности, несмотря на то что сторона защиты оспаривала обвинение в рамках предварительного расследования и судебного разбирательства.

В обвинительном заключении приведены показания С., подтвержденные ею в суде, в которых она отрицает свою личную заинтересованность и извлечение выгод имущественного и неимущественного характера в связи с действиями, указанными в обвинении, говорит о совершении таковых вследствие сострадания к незнакомым людям, которые попали в тяжелую жизненную ситуацию, а также о том, что планировала в дальнейшем, после согласования с сестрой, являвшейся собственником квартиры, официально внести данные о Ж. и П. в базу данных, для чего сохранила копии их паспортов.

Помимо этого, признав С. виновной в совершении указанных

преступлений из иной личной заинтересованности, суд в нарушение ст. 307 УПК РФ не разграничил в приговоре и не указал конкретно, какие противоправные действия, составляющие объективную сторону служебного подлога и злоупотребления должностными полномочиями, были совершены С. Также отсутствует обоснование квалификации содеянного С. с учетом совокупности преступлений¹.

Приведенный пример имеет научный и практический интерес и в связи с тем, что в нем выделена проблема разграничения должностных преступлений при совпадении таковых между собой по признаку их мотивов, указанных в конкурирующих уголовно-правовых нормах, как это имеет место в случае злоупотребления должностными полномочиями и служебного подлога, который также осуществляется из корыстной или иной личной заинтересованности. Разрешению данной конкуренции посвящено содержание абз. 4 п. 17 Постановления Пленума ВС РФ от 16.10.2009г. №19, где указывается на отсутствие необходимости квалификации содеянного по совокупности рассматриваемых преступлений, если соответствующее злоупотребление должностными полномочиями выразилось исключительно в подлоге официального документа, что полностью охватывается ст. 292 УК РФ.

В п. 17 Постановление Пленума ВС РФ от 16.10.2009г. №19 также разъясняются различия между злоупотреблением должностными полномочиями из корыстной заинтересованности и хищениями чужого имущества, совершаемыми с использованием служебного положения. Данный вопрос является актуальным, поскольку в таких хищениях сочетаются злоупотребление должностными (служебными) полномочиями и корыстная цель совершаемых действий. В связи с этим Пленум ВС РФ разъяснил, что, в отличие от такого хищения чужого имущества,

---

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 13.12.2017 и приговор Солнцевского районного суда города Москвы от 13.09.2017 // Архив Московского городского суда за 2017 год // <http://www.consultant.ru/>

злоупотребление должностными полномочиями из корыстной заинтересованности образуют деяния должностного лица, не связанные с изъятием чужого имущества (например, получение имущественной выгоды от использования имущества не по назначению) либо связанные с временным и (или) возмездным изъятием имущества. Также говорится о том, что в случаях, когда действия по злоупотреблению полномочиями выразились в хищении чужого имущества, при котором фактически произошло его изъятие, содеянное полностью охватывается соответствующими нормами главы 21 УК РФ о таких хищениях (например, ч. 3 ст. 160, ч. 3 ст. 159) и не требует дополнительной квалификации по ст. 285 УК РФ. Вместе с тем если должностное лицо совершило еще и другие действия, связанные со злоупотреблением своими полномочиями, то оно подлежит ответственности с учетом совокупности указанных преступлений.

Приведенные разъяснения Пленума ВС РФ в полной мере относятся и к ст. 285.4 УК РФ об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа, введенной в конце 2017 года¹ и являющейся специальной нормой по отношению к ст. 285 УК РФ. Полагаем, что для формирования единообразной практики применения данной нормы Пленуму ВС РФ целесообразно дополнить Постановление Пленума ВС РФ от 16.10.2009г. №19 новыми разъяснениями.

На практике также возникают ситуации, в которых необходимо определить соотношение составов злоупотребления должностными полномочиями и взяточничества. В ст. 290 и 291.2 УК РФ об ответственности за получение взятки и мелкое взяточничество не указаны побуждения к совершению данных преступлений, однако для случаев пассивного подкупа

---

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2017г. №469-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2018. - №1 (ч. I). - Ст. 53.

характерен именно корыстный мотив¹, что сближает данные уголовно-правовые запреты со ст. 285 и 285.4 УК РФ, выступающими по отношению к ним общими нормами.

Отметим, что в практической деятельности нередкой является ситуация, когда должностное лицо привлекается к уголовной ответственности не только за получение взятки, но и за злоупотребление должностными полномочиями. В последнее время по этому поводу в Конституционный Суд РФ поступило несколько жалоб от лиц, усматривающих здесь нарушение одного из базовых принципов уголовного права - *non bis in idem*. Отказывая в удовлетворении одной из таких жалоб в связи с отсутствием противоречия между соответствующими положениями Конституции РФ и уголовным законом, Конституционный Суд РФ, в частности, указал, что составы получения взятки и злоупотребления должностными полномочиями могут быть разграничены между собой в том числе с учетом различий в признаках их объективной стороны².

Конституционный Суд РФ в своих определениях по данному вопросу сослался на разъяснения Пленума ВС РФ, содержащиеся в Постановлении Пленума ВС РФ от 16.10.2009г. №19, а также в Постановлении Пленума ВС РФ от 09.07.2013г. №24, в том числе о том, что злоупотребление должностными полномочиями является самостоятельным деянием, осуществляемым за рамками состава получения взятки³, признаваемого оконченным преступлением с момента принятия должностным лицом хотя бы части оговоренного незаконного вознаграждения и вне зависимости от того, выполнены ли действия (бездействие), обусловленные этим

---

¹ Аснис А.Я. Уголовная ответственность за служебные преступления в России. - М.: Центр «ЮрИнфоР», 2004. – С.265.

² Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2018г. №1370-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Клевцова Евгения Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 17 Уголовного кодекса Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru/>

³ Определение Конституционного Суда РФ от 25 мая 2017г. №1030-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алексева Вадима Игоревича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru/>

вознаграждением.

Остановимся еще на одном сложном вопросе квалификации злоупотребления должностными полномочиями, связанном с правильным определением возможности совершения данного преступления не только с прямым, но и с косвенным умыслом. Этот вопрос непосредственно связан с уголовно-правовым значением мотива в части определения вида умысла, присущего определенному преступлению, уголовно-правовая норма об ответственности за которое содержит данный субъективный признак. От того или иного ответа на данный вопрос зависят нюансы юридической оценки рассматриваемого деяния в рамках институтов неоконченного преступления или соучастия в преступлении, относительно которых в теории уголовного права сформировалась преобладающая позиция, относящая к ним только один вид умысла – прямой¹.

Применительно к значению мотива преступления для определения формы и вида вины мы поддерживаем точку зрения, высказанную, в частности, А.И. Рарогом, который считает, что данный признак указывает на то, что соответствующее деяние может быть совершено только умышленно, при этом умысел может быть не только прямым, но и косвенным. Вместе с тем не можем в полной мере согласиться с мнением уважаемого профессора о том, что преступление с корыстным мотивом совершается исключительно с прямым умыслом. А.И. Рарог обосновывает свою позицию на примере квалифицированного вида убийства, совершаемого из корыстных побуждений, в котором причинение смерти является способом «утоления» мотива². По мнению И.С. Боровковой, данная точка зрения не в полной мере учитывает то, что роль и значение корыстных побуждений для того или иного преступления могут меняться в зависимости от особенностей его состава и механизма причинения общественно опасных последствий,

---

¹ Гаухман Л.Д. Указ. соч. С. 174, 193-194.; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 5-е изд., перераб. и доп. / Под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. - М.: Юриспруденция, 2017. - С. 72 - 73, 77 - 79.

² Рарог А.И. Указ. соч. С. 109 - 110.

отношение к которым и отличает один вид умысла от другого¹.

Действительно, в составе убийства содержится конкретное последствие – смерть человека, тогда как в составе злоупотребления должностными полномочиями данный признак имеет оценочный характер и заключается в существенном нарушении прав и законных интересов граждан и организаций, охраняемых законом интересов общества или государства. Если в убийстве из корыстных побуждений причинение последствия выступает необходимым условием получения имущественной выгоды, то в злоупотреблении должностными полномочиями – сопутствующим и не всегда желаемым результатом действий или бездействия, которые сами по себе могут «утолить» данный мотив. Например, когда должностное лицо «оказывает помощь» кому-либо в устройстве на работу или учебу, в продвижении по службе и т.п., получив или рассчитывая на «благодарность» имущественного характера, то оно, как правило, даже не задумывается об ущемлении чьих-либо прав и законных интересов, а равно о степени нарушения последних. При этом далеко не всегда можно вести речь о неизбежности причинения существенного вреда и желании его наступления, тогда как типичным, напротив, является безразличное отношение к возможным последствиям или сознательное допущение таковых, что свойственно косвенному умыслу, установление которого в конкретном случае исключает выделение стадий приготовления или покушения на преступление, а равно сужает возможности по вменению соучастия в его совершении. Поэтому более правильным, на наш взгляд, является вывод о возможности совершения злоупотребления должностными полномочиями не только с прямым, но и с косвенным умыслом.

Таким образом, корыстная или иная личная заинтересованность является побуждением, подчеркивающим коррупционную направленность злоупотребления должностными полномочиями и указывающим на его

---

¹ Боровкова И.С. Мотивы злоупотребления должностными полномочиями: значение, содержание и вопросы судебного толкования // Современное право. - 2018. - №12. - С. 89 - 94.

взаимосвязь с другими должностными и имущественными преступлениями, вопросы соотношения с которыми одни из наиболее сложных в практике применения ст. 285 УК РФ, выступающей в качестве общей нормы для большинства других статей главы 30 УК РФ. На сегодняшний день мотивы злоупотребления должностными полномочиями нуждаются в дополнительных разъяснениях Пленума ВС РФ относительно их содержания и влияния на квалификацию содеянного, в том числе в рамках неоконченной и совместной преступной деятельности, а равно при разрешении вопросов конкуренции со смежными составами и квалификации по совокупности преступлений.

Переходя к анализу субъекта преступления, следует отметить, что общие признаки субъекта преступления не вызывают затруднения, а понятие должностного лица дано в примечании к статье достаточно полно. К сожалению, на практике и в теории именно определение субъекта преступления как должностного лица часто вызывает дискуссии. В прим. 1 к ст. 285 УК РФ приведен исчерпывающий перечень должностных лиц, которые помимо государственных и муниципальных учреждений осуществляют свою деятельность в государственных корпорациях и государственных компаниях.

Речь здесь идет о государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям.

Как отмечает Н.И. Близнюк Никита Игоревич, остается нерешенным вопрос, чем руководствовался законодатель, оставив без внимания общества с ограниченной ответственностью.

Учредителями общества с ограниченной ответственностью могут выступать Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования, причем их доля в уставном капитале может

быть приравнена к контрольному пакету акций¹.

Закрытые акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью могут быть созданы по решению представительных органов муниципальных образований для решения вопросов местного значения².

Таким образом, можно отметить, что изменения, вносимые в прим. 1 к ст. 285 УК РФ и содержащие признаки должностного лица, не носят системного характера и частично отражают организационно-правовые формы юридических лиц с государственной и муниципальной формами собственности.

Полагаем, что ст. 285 УК РФ требует определенных преобразований. Современная редакция данной нормы содержит в себе ряд противоречий, которые необходимо устранить. Эффективность предупредительных мер по борьбе с коррупционными преступлениями, в частности с злоупотреблением должностными полномочиями, напрямую зависит от уровня законодательной базы.

2.2. Особенности квалификации превышения должностных полномочий

Объектом преступления, предусмотренного ст. 286 УК РФ выступают общественные отношения, которые обеспечивают должное функционирование государственного аппарата и местного самоуправления.

Дополнительным объектом являются права и законные интересы личности.

---

¹Близнюк Н.И. Злоупотребление должностными полномочиями как состав преступления: проблемы квалификации и правоприменения // Право. Общество. Государство Сборник научных трудов студентов и аспирантов. Санкт-Петербург. - 2018. - С. 43-46.

²Ровнейко В. В. Некоторые проблемы совершенствования понятия «должностное лицо» в российском уголовном праве // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Экономика и право». - 2016. - Т. 26. - №6. - С. 117–123.

Объективная сторона обусловлена таким обязательным признаком, как причинная связь между совершением действия, явно выходящего за пределы полномочия, и наступившими общественно опасными последствиями, поскольку по структуре у данного преступления материальный состав.

Данное действие должно быть совершено лицом исключительно благодаря занимаемому им должностному положению, т.е. данное действие не может быть совершено лицом вне исполнения им своих должностных обязанностей.

Кроме того, действие лица может быть квалифицировано как превышение им должностных полномочий только при условии, что данное действие не только запрещено законом, но и препятствует правильной работе органов государственной власти или местного самоуправления. Это означает, что действие должностного лица признается противоправным, если оно противоречит общим задачам, принципам и методам работы органа государственной власти или местного самоуправления.

При этом нельзя квалифицировать действия лица как превышение должностных полномочий, в случае если он использовал лишь авторитет занимаемой им должности вне исполнения им своих прямых должностных обязанностей¹.

Говоря об общественно опасных последствиях применительно к ст. 285 УК РФ, то они представлены в уголовном законе в качестве: «существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства»².

Как видится, данная формулировка ведет к появлению множества проблем на практике, поскольку ей присущи оценочные признаки, которые зачастую трудно уяснить.

---

¹ Михайлина Ю.С. Проблемы квалификации превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) // Научное и образовательное пространство: перспективы развития: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. - 2018. - С. 321-323.

² Борков В.Н. Актуальные проблемы квалификации превышения должностных полномочий // Уголовное право. - 2016. - №4. - С. 4.

В частности, как отмечает С.В. Смелова, законодатель не предусмотрел в качестве квалифицирующего признака превышения должностных полномочий совершение деяния из корыстных побуждений. Поэтому данное преступление может быть отнесено к преступлениям коррупционной направленности лишь при установлении у субъекта такого их обязательного признака как корыстный мотив (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц)¹.

Согласно Указанию Генпрокуратуры России от 25.12.2018г. превышение должностных полномочий при наличии дополнительных условий может быть отнесено к преступлениям экономической направленности, например, если совершено в процессе осуществления должностным лицом производственно-хозяйственной или финансовой деятельности (Перечень №2); к преступлениям, которые могут быть совершены должностным лицом с использованием своего служебного положения из корыстной или иной заинтересованности (Перечень №13) и к преступлениям коррупционной направленности (Перечень №23). К последним превышение должностных полномочий (ч. 1 и 2, и п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ) может быть отнесено при определенных условиях (например, при наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления с корыстным мотивом).

Еще одним оценочным признаком, указанным в п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, являются «тяжкие последствия».

Так, в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2017 года по приговору в отношении гражданина Г. к тяжким последствиям отнесено то, что в отношении потерпевших, незаконно привлеченных к ответственности (в результате превышения виновным своих полномочий), была избрана мера пресечения в виде домашнего ареста сроком

---

¹ Смелова С.В. Ответственность за превышение должностных полномочий: некоторые направления совершенствования антикоррупционного законодательства // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. - 2018. - С. 209-213.

на 8 месяцев, а потерпевший Л. в течение 15 месяцев содержался под стражей в следственном изоляторе¹.

В другом случае наступление в результате превышения должностных полномочий тяжкого вреда здоровью человека признано недостаточным для вменения п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, и осуждение виновного Х. в этой части было исключено из приговора в Кассационном определении ВС РФ от 21.01.2015². Между тем очевидно, что последствия в первом примере носят обратимый характер в отличие от причиненного тяжкого вреда здоровью потерпевшего – во втором.

Необходимо отметить, что термин «тяжкие последствия» используется законодателем в целом ряде уголовно-правовых норм: п. «а» ч. 3 ст. 127.1, ч. 3 ст. 127.2, ч. 3 ст. 145.1, ч. 2 ст. 167, ч.1 ст. 215.1, ч.1 ст. 349, ч. 2 ст. 228.2, ч. 2 ст. 237, ч. 1 ст. 248, ч. 3 ст. 285 УК РФ и т.д.

При этом критерии определения тяжких последствий весьма разные. Так, для целей применения ч. 3 ст. 145.1 УК РФ тяжкими последствиями признаются частичная невыплата свыше трех месяцев заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных установленных законом выплат; для применения ч. 1 ст. 248 УК РФ любой вред здоровью может быть отнесен к тяжким последствиям³. Как отмечает О.В. Артюшина, в этом случае следовало бы выработать единые критерии определения тяжких последствий в нормах УК РФ, как было сделано в отношении других оценочных понятий, например, особой жестокости⁴.

Из диспозиции статьи мы видим, что преступление совершается путем активных действий, но правильнее было бы дополнить статью еще такой

---

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29 марта 2017г. №69-ПРСС // <http://www.consultant.ru/>

² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21 января 2015г. №127-УД15-4 // <http://www.consultant.ru/>

³ Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. - М.: Норма, 2015. – С.94.

⁴ Артюшина О.В. Причинение тяжких последствий при превышении должностных полномочий: проблемы квалификации // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2018. - №3 (33). - С. 348-352.

разновидностью, как умышленное неисполнение лицом своих должностных полномочий.

В отличие от иных составов преступления, субъектом превышения должностных полномочий выступает исключительно должностное лицо, дефиниция которого раскрывается в примечании 1 к ст. 285 УК РФ.

Соответственно субъектом здесь является должностное лицо, которое выполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности, а также функции представителя власти по специальному полномочию. Его права и обязанности определены в нормативном правовом акте, и их реализация возможна только на основании и во исполнение законов. При этом лицо должно осознавать очевидность нарушения и явный выход за пределы своих полномочий; такие действия совершаются в связи или в процессе служебной деятельности. Использование только авторитета занимаемой должности или совершение действий во время отпуска не будет квалифицироваться как должностное преступление. На практике такие деяния весьма распространены и также влекут последствия опасного характера. Например, действием, совершенным вне связи со служебной деятельностью, будет насилие со стороны сотрудника полиции над гражданином, отказавшимся предоставить ему автомобиль для служебной необходимости.

Исходя из позиции Постановления Пленума ВС РФ от 16.12.2009г. №19., важно выделить две разновидности представителей власти (признак должного лица):

- 1) лица, которые осуществляют функции органов власти;
- 2) лица, обладающие властными полномочиями, исходя из которых они могут отдавать распоряжения не подчиненным им физическим лицам, организациями, без привязки к их ведомственной подчиненности и формам собственности.

При этом вторая группа субъектов превышения должностных полномочий наиболее явно характеризуется тем, что данные лица либо на

постоянной, либо на временной основе, либо по специальному полномочию осуществляют организационные, распорядительные, административные, хозяйственные функции в перечисленных в примечании 1 ст. 285 УК РФ органах, учреждениях, организациях.

В п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 16.12.2009г. №19 указывается, что организационным и распорядительным функциям относятся полномочия должностных лиц, касающиеся принятия юридически значимых решений, что приводит к спорам в юридической литературе: одни авторы полагают, что полномочия работника государственного органа, учреждения по совершению юридически значимых действий позволяют признать их организационно-распорядительными и, исходя из этого, данные полномочия разделять не следует.

Что касается понимания административно-хозяйственных функций, то в Постановлении Пленума ВС РФ от 16.12.2009г. №19 приводится следующая формулировка: «Как административно-хозяйственные функции важно рассматривать полномочия должностного лица по управлению, распоряжению имуществом, денежными средствами, которые находятся на балансе, банковских счетах организаций, учреждений, воинских частей, в том числе, по совершению иных действий».

Таким образом, во время признания лица должностным при квалификации его действия как превышение должностных полномочий необходимо понимать, что лицо становится должностным и отвечает за совершенное им деяние по ст. 286 УК РФ с момента принятия его на работу в орган государственной власти или местного самоуправления и наделения его соответствующими правами и обязанностями до прекращения трудовых отношений.

Субъективной стороной превышения должностных полномочий выступает прямой или косвенный умысел, и это не является квалифицирующим признаком. Такой мотив, как корыстная заинтересованность, позволяет отграничить превышение от злоупотребления

должностными полномочиями, поскольку это характерно для последнего состава.

Диспозиция ст. 286 УК РФ является описательной, бланкетной: в ней не определены границы полномочий должностного лица и для уяснения этого вопроса необходимо обращаться к иным нормативным актам. Затруднительно это положение тем, что должностные лица работают в сфере многообразных правоотношений и нет ссылки на конкретный нормативный акт, правовой институт.

Благодаря точному выяснению пределов полномочий должностного лица и определению конкретных их нарушений мы можем установить составы преступлений, предусмотренных ст. 285, 286 УК РФ¹. В том и другом случае проявляется незаконное использование служебного положения. Однако в силу специфики прав и обязанностей, т. е. полномочий, данные категории фактически схожи. Злоупотреблением являются незаконные действия следователя в процессе допроса граждан, действующего не по служебному заданию, а по просьбе брата, используя свое положение².

Превышение будет заключаться в незаконном удержании гражданина следователем по личным подозрениям, поскольку только в компетенции суда выносить приговор с лишением свободы.

Наибольшие трудности уголовно-правовой оценки вызывает проблема, возникающая при решении вопросов о наличии или отсутствии совокупности преступлений при совершении рассматриваемого деяния.

Так, при конкуренции норм общего состава «должностные преступления, совершаемые путем превышения полномочий», и специального состава как преступления против правосудия (незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ) и принуждение

---

¹ Пикалёва В. В. Проблемы квалификации превышения должностных полномочий // Молодой ученый. - 2015. - №14. - С. 371.

² Сарыг А. В. Проблемы квалификации превышения должностных полномочий // Право. Общество. Государство: сборник научных трудов студентов и аспирантов. - Санкт-Петербург, 2018. - С. 64-67.

к даче показаний (ст. 302 УК РФ)), совершенного должностным лицом, предпочтение отдается специальной норме.

При совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, могут наступить смерть человека, вред здоровью, уничтожение или повреждение чужого имущества и т.п.

Понятно, что такие последствия охватываются и другими нормами УК РФ. В ч. 1 ст. 17 УК РФ регламентируется лишь общее правило определения совокупности преступлений, которое не дает ответа о наличии или отсутствии совокупности в данном конкретном случае. Нет разъяснений по этому вопросу и в Постановлении Пленума ВС РФ от 16.12.2009г. №19. В то же время в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»¹ действия должностного лица, совершившего убийство при превышении должностных полномочий, рекомендуется квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью ст. 105 и соответствующими пунктами ч. 3 ст. 286 УК РФ². Однако это частный случай. Не по всем категориям дел есть рекомендации Пленума Верховного Суда РФ, и не во всех постановлениях рассматриваются вопросы оценки деяний по совокупности преступлений.

В доктрине уголовного права выработаны следующие подходы к решению этих вопросов. Превышение должностных полномочий оценивается по совокупности с другим преступлением в случае, когда общественная опасность последнего, судя по санкции, превосходит карательный ресурс наказания, предусмотренного ч. 3 ст. 286 УК РФ³. При

---

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. -1999. - №3.

² Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». - М.: Городец, 2007. – С.150.

³ Борков В.Н. Актуальные проблемы квалификации превышения должностных полномочий // Уголовное право. 2016. No 4.

этом сравниваются верхние пределы санкций, то есть максимальные сроки или размеры наиболее строгих основных видов наказаний¹.

Исключением из этого правила являются случаи конкуренции общей и специальной норм. Как закреплено в ч. 3 ст. 17 УК РФ, совокупности преступлений нет и в соответствии с принципом справедливости деяние оценивается по норме, максимально точно описывающей признаки фактически совершенного деяния. Так, например, невозможна идеальная совокупность преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 286 и ч. 2 ст. 302 УК РФ. Применению подлежит только ч. 2 ст. 302 УК РФ².

Причинение тяжких последствий при превышении должностных полномочий путем применения насилия (то есть совершения только умышленных действий) влечет дополнительную оценку по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, а также по статье, предусматривающей ответственность за само насильственное деяние в случае, если его общественная опасность выше, чем п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ³. В частности, превышение должностных полномочий с применением насилия в виде изнасилования, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшей, квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных п.п. «а», «в» ч. 3 ст. 286 и п. «а» ч. 4 ст. 131 УК РФ.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие обобщения.

1. Отсутствие законодательного определения тяжких последствий создает дополнительные трудности в применении целого ряда статей УК РФ, в том числе п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, привносит излишний субъективизм в юридическую оценку деяния. Это представляется неприемлемым, поскольку в зависимости от содержания той или иной диспозиции тяжкие последствия

---

¹ Шарапов Р.Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. - 2015. - №1. - С.112-124.

² Пудовочкин Ю.Е. Признаки совокупности преступлений в современной судебной практике // Уголовное право. - 2009. - №4. - С.54-59.

³ Наумов А.В. Совокупность в составных насильственных преступлениях: когда она есть и когда отсутствует // Уголовное право. - 2014. - №5. - С.76-79.

включены в основной и даже особо квалифицированные составы преступления, влекущие наиболее строгое наказание.

2. Превышение должностных полномочий оценивается по совокупности с другим преступлением в случае, когда характер и степень общественной опасности последнего выше, чем у преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Это определяется сравнительным анализом максимальных сроков или размеров наиболее строгих основных видов наказаний, установленных в санкциях данных уголовно-правовых норм.

3. Исключением из этого правила являются случаи конкуренции общей и специальной норм.

Как закреплено в ч. 3 ст. 17 УК РФ, совокупности преступлений нет, когда одна из норм, подлежащих применению, более точно описывает признаки содеянного.

4. Причинение тяжких последствий при превышении должностных полномочий с применением насилия влечет дополнительную оценку по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, а также по статье, предусматривающей ответственность за само насильственное деяние, в случае, если его общественная опасность выше, чем деяния, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Метод определения тот же – сравнительный анализ санкций норм, подлежащих применению.

Уголовно-правовая литература содержит точку зрения, исходя из которой вина в основном составе превышения должностных полномочий может быть только в форме, прямого либо косвенного умысла.

Интеллектуальный элемент умысла складывается из осознания лицом опасного характера действий, предвидения возможности наступления общественно опасных последствий. В данном случае осознание общественно опасного характера совершаемого действия заключается в том, что, совершая преступление, лицо понимает выход за рамки предоставленных полномочий, понимает, что совершает действия, не входящие в его компетенцию. Кроме

того, при превышении полномочий лицо осознает противоправность совершаемого действия. На этом фоне А. В. Галахова отмечает, что лицо не может не понимать, что, выходя за рамки полномочий и нарушая закон, он предвидит возможные последствия.

Ещё одним признаком интеллектуального элемента умысла является понимание неизбежности и возможности наступления последствий. Мотив превышения должностных полномочий не является конструктивным признаком состава превышения должностных полномочий, однако его установление обязательно для правоприменителя, ибо оно может повлиять на квалификацию содеянного.

Продолжая разговор о субъективных признаках ст. 286 УК РФ необходимо отметить, что диспозиция ст. 286 УК РФ не указывает целей совершения преступления, которая бы предусматривала прямой умысел. В рассматриваемом составе лицо, являющееся специалистом в определенной области, не может логически не понимать, что при нарушении законных прав и интересов других лиц, он неизбежно причиняет им вред.

В юридической литературе, рассматривающей проблемы должностных преступлений, по этому поводу имела место теория смешанной формы вины, в пределах которой рекомендовалось выделять и разграничивать формы вины в отношении действий, бездействия и наступивших негативно-опасных последствий.

Актуальным применительно к нормам ст. 286 УК РФ остается вопрос о конкретизации оценочных признаков, характеризующих последствия явного выхода должностного лица за пределы своих полномочий как в основном, так и в квалифицированном составе.

В уголовном законодательстве Республики Беларусь, например, имеет место частичная конкретизация оценочных признаков превышения должностных полномочий: законодатель из общего последствия рассматриваемого деяния выделяет причинение ущерба в крупном размере,

четко определяемого¹. В этой связи, как отмечает С.В. Смелова, в перспективе совершенствования норм ст. 286 УК РФ заслуживает внимания зарубежный опыт в части включения квалифицирующего признака превышения должностных полномочий - совершение деяния из корыстных побуждений, конкретизации некоторых оценочных признаков, наказаний за коррупционные преступления².

На сегодняшний день перед правоприменителями встал острейший вопрос квалификации преступления по ст.286 УК РФ и разграничение со злоупотреблением должностными полномочиями по ст. 285 УК РФ, так как это вызывает определенные сложности и ряд ошибок.

Так, разграничивая составы преступлений, предусмотренные ст.285 и ст.286 УК РФ, на практике трудно произвести разграничение их по степени общественно опасных последствий, поскольку не всегда получается их уставить даже для одной статьи. «В вопросах же установления специального субъекта преступления, следует в обязательном порядке устанавливать совокупность признаков данного должностного лица»³. Непосредственно ответственность за превышение должностных полномочий наступает в случае, если должностное лицо имел какие-либо полномочия по отношению к потерпевшему физическому или юридическому лицу и данным должностным лицом путем при помощи преступных действий существенно нарушены интересы потерпевших. Таким образом, момент окончания совершения преступления по ст. 286 УК РФ понимается в качестве наступления последствия как существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций, либо охраняемых законом государственных и общественных интересов. Также важно обратить

---

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь: Законодательство Республики Беларусь. - М., 2006. - С. 186.

² Смелова С.В. Указ. соч. С. 209-213.

³ Григорьев М.Ю. Особенности доказывания при расследовании превышения должностных полномочий с применением физического и психического насилия, специальных средств или оружия // Законность. - 2017. - №1. - С. 63.

внимание, что «для квалификации превышения должностных полномочий мотивы и цели не имеют практического значения»¹.

Субъективная сторона в обоих преступлениях выражена умышленной формой вины (прямой и косвенный умыслы). Однако ч.1 ст.285 УК РФ, предусматривает мотив (корысть или иная личная заинтересованность (имущественный и не имущественный мотивы)) как обязательный признак субъективной стороны преступления, в отличии от ч.1 ст.286 УК РФ.

В свою очередь, превышение должностных полномочий, как отмечалось выше, является так называемым «без мотивным преступлением»², то есть для квалификации наличие или отсутствие мотива никакой роли не играет.

Однако мотив, как явный критерий разграничения данных составов, является весьма условным, ведь если любое злоупотребление должностными полномочиями (ч.1 ст.285 УК РФ) совершается только при наличии мотива (корысть или иная личная заинтересованность), то превышение должностных полномочий (ч.1 ст.286 УК РФ) может совершаться как при наличии вышеуказанного мотива, так и при его отсутствии. Иными словами, оба преступления могут быть совершены, к примеру, из корыстных побуждений, что делает мотив, как критерий разграничения, весьма относительным.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что из-за неправильного понимания соотношения статей 285, 286 УК РФ зачастую возникают квалификационные ошибки.

Например, возьмем Московский городской суд. Гражданка М., осужденная за злоупотребление властью, то есть совершение служебного

---

¹ Быкова Е.Г., Яшков С.А. Превышение должностных полномочий и фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности: возможна ли совокупность? // Уголовное право. - 2016. - №4. - С. 14.

² Борисов И.Д. Разграничение злоупотребления должностными полномочиями (ч. 1 ст. 285 УК РФ) и превышения должностных полномочий (ч. 1 ст. 286 УК РФ) // Аллея науки. - 2018. Т. 3. - №7 (23). - С. 76-81.

действия явно выходит за рамки ее полномочий, и повлекло существенное ущемление охраняемых законом интересов общества и государства. Исследовав материалы дела, суд пришел к выводу, что осужденная М., будучи инспектором отдела режима следственного изолятора, является должностным лицом. Он получил от свидетеля Н. деньги в сумме 10000 рублей, переданных под опеку Н. Ф. сотовый телефон. Таким образом, он использовал свои служебные полномочия вопреки интересам службы, что повлекло существенное нарушение охраняемых законом интересов общества и государства. При таких обстоятельствах, действия осужденного были переключены по части 1 статьи 285 Уголовного кодекса.

В данном примере мы можем не согласиться с решением суда, поскольку, говоря об использовании служебных полномочий, имеем в виду, что действия в виде передачи телефона задержанным являются частью полномочий должностных лиц. Инспектор департамента следственного изолятора не имел права передавать заключенному телефон, поэтому он превысил свои полномочия.

В ст. ст. 285 и 286 УК РФ законодатель заявил, что преступником является только использование конкретных служебных обязанностей, а не служебное положение. Поэтому считается, что будут возникать трудности с проведением различия злоупотребления и превышения должностных полномочий, поскольку злоупотребление отражается в использовании полномочий, компетенции и превышении при совершении действий, явно выходящих за рамки их полномочий. Разъяснить полномочия должностных лиц путем ссылки на различные нормативные акты, официальные инструкции, регламентирующие их права и обязанности¹.

К примеру, директор «Кировского детского дом-интерната для умственно отсталых детей», привез в детский дом письма о дарении

---

¹ Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. - 3-е изд., изм. и доп. - М.: Издательство НОРМА, 2001. - С.450.

денежных средств. Затем в Минфин направлено 39 платежных поручений на перечисление в виде добровольных пожертвований средств в размере 4 млн. рублей. Судебная коллегия видела в действиях С. признаки преступления по пункту «с» части 3. 286 Уголовного кодекса, объективная сторона характеризуется действиями, явно выходящими за рамки полномочий должностных лиц и требующими совершения серьезных нарушений. По мнению судебной коллегии, такое действие со стороны С. не было совершено преступления, оно подпадает под признаки состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 285 Уголовного кодекса, как злоупотребление властью, поскольку ее действия, хотя и были эффективно связаны с поведением должностного лица, прав и обязанностей, однако, не были вызваны деловой потребностью и объективно противоречили общим целям и требованиям государственного аппарата, а также целям и задачам, для достижения которых должностному лицу были предоставлены должностные обязанности.

В целях дальнейшего совершенствования уголовного законодательства полагаем, что при дифференциации преступлений по ст. 285 УК РФ и ст. 286 УК РФ безусловно необходимо в дальнейшем фундаментально проводить теоретические исследования понятий, которые использовал законодатель, дополнять судебную практику, путем внесения изменений в существующее Постановление Пленума Верховного Суда РФ и не переставать работать в данном направлении на законодательном уровне для единообразного применения ст. 285 и ст. 286 УК РФ, либо объединить рассматриваемые статьи с изложением диспозиции в новом универсальном варианте¹.

В заключение необходимо отметить, что ст. 285 УК РФ в самом общем виде представляет характеристику непосредственного субъекта преступления — должностного лица и самого преступного деяния, включая использование служебных полномочий вопреки служебным интересам и их

---

¹ Давыдушкина М. И. Превышение должностных полномочий как состав преступления: проблемы квалификации и правоприменения // Молодой ученый. - 2018. - №52. - С. 190-192.

последствий, что распространяется практически на все нормы и статьи гл. 30 УК РФ. С учетом всех внесенных изменений определение должностного лица наиболее детальным образом конкретизирует субъективную сторону и сам субъект рассматриваемых должностных преступлений.

ГЛАВА 3. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПУТЕМ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА И КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА

3.1. Особенности квалификации коммерческого подкупа

С точки зрения экономики и правовой доктрины подкуп в процессе осуществления коммерческой деятельности является социально опасным деянием по той причине, что он посягает на нормальный ход рыночных отношений в обществе и подрывает деятельность лиц, осуществляющих управленческие функции в коммерческих организациях. Из-за подкупа искажается процесс принятия решений, основывающихся на сугубо рыночной логике, поскольку при использовании коммерческого подкупа используется противоправный способ воздействия на его субъектов. Исторически так сложилось, что проблема совершения коррупционных правонарушений в сфере экономики крайне остро стоит в правовой практике, что находит свое отражение и в законодательстве.

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой определено значение прилагательного «подкупной» - «такой, которого можно подкупить в значении склонить на свою сторону деньгами, подарками»¹. Это прилагательное авторы толкуют, приводя в качестве примера словосочетание «подкупные чиновники».

В Большой энциклопедии, изданной до революции 1917 г., определяется, что подкуп избирателей состоит в том, что лицо, желающее занять то ли другое место по выборам, побуждает подарками, деньгами, обещаниями и прочим избирателей подавать голоса в определенном смысле. Особенно часто практикуется коллективный подкуп, то есть склонение к

---

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. - М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. - С. 537.

голосованию в желательном направлении целых групп избирателей¹.

По сравнению с лингвистическим пониманием подкупа, международно-правовое понятие последнего привносит в него еще две характерные черты:

- 1) уголовную противоправность подкупа в публичной и в частной сферах;
- 2) неразрывную взаимосвязь с функциями или обязанностями подкупаемого лица.

По мнению В.В. Седых, Д.В. Савичевой подкуп означает передачу материальных благ уполномоченному лицу в обмен на нарушение подкупаемым своих договорных обязательств или долга. Подкуп служащего является разновидность коррупции, которая называется дачей взятки².

Российским уголовным законодательством сформулировано понятие коммерческого подкупа и установлена соответствующая ответственность за его совершение - ст. 204 УК РФ. Обратимся к данной статье.

Под коммерческим подкупом законодатель понимает незаконную передачу лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а также незаконное оказание ему услуг имущественного характера, предоставление имущественных прав, за совершение действия (бездействие) в интересах дающего или иных лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия такого лица либо если оно в силу своего служебного положения может способствовать указанным действиям (бездействию). К коммерческому подкупу в соответствии с данной статьей относится и ситуация, когда по указанию лица, выполняющего управленческие функции, имущество передается, услуги имущественного характера оказываются, имущественные права предоставляются и иному физическому или юридическому лицу за совершение действий (бездействие) в интересах

---

¹ Южаков С.Н. Большая энциклопедия. Т. 15. Пенька - Пуль. СПб.: Типо-литография книгоиздательского товарищества «Просвещение», 1904. - С. 520.

² Седых В.В., Савичева Д.В. Указ. соч. С. 135-139.

дающего или иных лиц.

При этом в соответствии со ст. 204 УК РФ коммерческий подкуп подразделяется как на незаконную передачу денег, ценных бумаг, иного имущества, оказание услуг имущественного характера и предоставление имущественных прав (ч. 1 ст. 204 УК РФ), так и на незаконное получение денег, ценных бумаг, иного имущества, пользование услугами имущественного характера и имущественными правами (ч. 5 ст. 204 УК РФ).

В соответствии с примечаниями к ст. 201 УК РФ под лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа или члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях.

Необходимо обратить внимание, что в рассматриваемом примечании есть довольно спорная конструкция: лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческих или иных организациях. Под иными организациями подразумеваются некоммерческие организации. Согласно Федеральному закону от 12 января 1996г. №7-ФЗ «О некоммерческих организациях»¹, в их число входят, помимо прочего, государственные корпорации, компании, государственные и муниципальные учреждения. По замыслу законодателя, выполнение организационно-распорядительных или административно-хозяйственных функций именно в этих организациях придает субъекту статус должностного лица и обуславливает действие ст. 290 УК, в случае получения им незаконного вознаграждения. Также, по смыслу примечания к

---

¹ Собрание законодательства РФ. – 1996. - №3. - Ст. 145.

ст.285 УК, к этим некоммерческим организациям добавляются унитарные предприятия.

Состав коммерческого подкупа является формальным. В соответствии с п. п. 10, 11 Постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013г. №24 получение и дача незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе будут считаться оконченными с момента принятия лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, хотя бы части передаваемых ему ценностей, независимо от того, получило ли указанное лицо реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными ему ценностями по своему усмотрению.

Квалифицированными (т.е. отягощающими, повышающими размер санкции) составами коммерческого подкупа являются:

1) совершение коммерческого подкупа в значительном размере. В соответствии с примечанием к ст. 204 УК РФ значительным размером коммерческого подкупа признаются сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие двадцать пять тысяч рублей;

2) совершение коммерческого подкупа группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

В соответствии с п. 18 Постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013г. №24 под вымогательством предмета подкупа необходимо понимать не только требование передать незаконное вознаграждение, сопряженное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица, но и заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать данное вознаграждение с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов.

Для квалификации содеянного не имеет значения, была ли у лица, выполняющего управленческие функции, реальная возможность осуществить данную угрозу, если у лица, передавшего предмет коммерческого подкупа, были основания опасаться осуществления данной угрозы.

Коммерческий подкуп как таковой необходимо отличать от ряда иных преступлений, поскольку по своему характеру он внешне похож на преступления, предусмотренные ст. 204.1 УК РФ (посредничество в коммерческом подкупе), ст. 204.2 УК РФ (мелкий коммерческий подкуп), ст. 290 УК РФ (получение взятки), ст. 291 УК РФ (дача взятки)¹ и ст. 184 УК РФ (оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса).

Рассмотрим, прежде всего, ст. 204.1 УК РФ.

Объект преступления в данном случае совпадает с объектом преступления, предусмотренного ст. 204 УК РФ, т.е. нормальная, регламентированная законодательством управленческая деятельность коммерческих и иных организаций.

Разница между ст. 204 УК РФ и ст. 204.1 УК РФ заключается в субъекте преступления. Если в ст. 204 УК РФ им выступает лицо, осуществляющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, то в ст. 204.1 УК РФ субъектом является лицо, выполняющее функции посредника, т.е. лицо, передающее предмет коммерческого подкупа по поручению дающего подкуп или получающего его или иным образом способствующее в достижении либо реализации соглашения между ними о передаче и получении подкупа. Посредник отличается от получающего или передающего предмет коммерческого подкупа тем, что действует не в своих интересах и не по своей инициативе.

В июле 2016г., Законом от 03.07.2016г. №324-ФЗ уголовный кодекс был дополнен нормой об ответственности за мелкий коммерческий подкуп (статья 204.2 УК РФ), диспозиция которой является ссылочной и закрепляет в качестве преступного коммерческий подкуп в размере, не превышающем десяти тысяч рублей.

Анализ судебной практики показывает, что совершение мелкого

---

¹ Разграничение коммерческого подкупа и взяточничества будет рассмотрено в следующем параграфе

коммерческого подкупа свойственно различным сферам жизнедеятельности. Подобные деяния совершаются при решении вопросов, связанных с трудовыми правоотношениями, в образовательной сфере, при ресурсоснабжении и др.

Обозначив размер, не превышающий десяти тысяч рублей, законодатель дает понять, что даже «мелкий» размер подкупа (взятки) уголовно наказуем. Кроме того, усиливает превентивную функцию наличие квалифицированного состава, устанавливающего повышенную ответственность лица, имеющего судимость за совершение мелкого коммерческого подкупа, коммерческого подкупа, посредничества в коммерческом подкупе.

По мнению В. И. Михайлова, «выделение мелких коммерческих подкупов и взяток в отдельные составы должно способствовать концентрации внимания правоохранительных органов на выявлении и расследовании представляющих повышенную опасность случаев дачи взятки в крупном, особо крупном размерах»¹.

Как отмечает Г.Н. Миронова важно видеть не только и не столько положительный эффект в том, что правоприменитель будет направлен на выявление и расследование крупных и особо крупных коррупционных деяний, но и в том, что внимание правоприменителя будет дифференцировано².

Таким образом, обоснованность установления в отдельной норме уголовной ответственности за мелкий коммерческий подкуп подтверждается общественной опасностью мелкого коммерческого подкупа как привилегированного состава по отношению к коммерческому подкупу, которая характеризуется:

---

¹ Михайлов В. И. Эволюция законодательства об ответственности за взяточничество // Уголовное право. - 2016. - №5. - С. 54.

² Миронова Г. Н. Обоснованность установления уголовной ответственности за мелкий коммерческий подкуп // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: материалы международной научно-практической конференции. - 2018. - С. 249-252.

-широкой распространенностью подкупа в негосударственной сфере наряду с латентностью;

-опривычиванием коррупции в «мелком» размере в частном секторе экономики и, как следствие, восприятием социально негативного и преступного поведения как нормы;

-причинением существенного вреда общественным отношениям в сфере интересов коммерческой и иной организации (созданием угрозы причинения вреда) посредством разрушения нормального порядка деятельности коммерческой (иной) организации.

Квалифицированный состав мелкого коммерческого подкупа содержит специальный рецидив: установлена ответственность лица, имеющего судимость за совершение преступлений, предусмотренных ст. ст. 204, 204.1, 204.2 УК РФ.

Фактически мелкий коммерческий подкуп до его выделения в отдельный состав преступления был «растворен» в коммерческом подкупе (общей норме). Распространенность случаев совершения подкупа на сумму, не превышающую десять тысяч рублей, была подтверждена правоприменительной практикой, в связи с этим назрела необходимость выделения мелкого подкупа в отдельную норму (привилегированный состав)¹.

Ст. 184 УК РФ устанавливает ответственность за незаконную передачу денег, ценных бумаг, иного имущества, а также оказание услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав в целях оказания противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса. Сравнивая данный состав преступления с коммерческим подкупом, мы также обнаруживаем различный объект и субъект преступления. Объектом

---

¹ Миронова Г.Н. Исторические предпосылки установления уголовной ответственности за мелкий коммерческий подкуп //Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2018. - №1 (51). – С.89-93.

преступления по ст. 184 УК РФ будет являться нормальной деятельностью по организации спортивных соревнований или зрелищного коммерческого конкурса. Субъектом будут являться лица, принимающие имущественное предоставление или соответствующие услуги, права с целью оказания влияния на результаты соревнования или конкурса: спортсмены, тренеры, судьи, руководители, члены жюри, организаторы соревнования или конкурса и т.д.

Таким образом, для грамотной квалификации того или иного деяния в качестве коммерческого подкупа необходимо отличать его состав от смежных составов преступления.

3.2. Особенности квалификации взяточничества

При получении или даче взятки объектом является нормальная и правильная работа органов государственной власти и местного самоуправления.

С изменением уголовного законодательства в 2011 г. в структуре предмета взятки появилась новая, до того неизвестная уголовному закону разновидность предмета взятки - имущественные права. Предположительно это понятие связано с п/п. «а» п. 1 ст. 1 Закона от 25.12.2008г. №273-ФЗ, где среди целей совершения коррупционных действий называется в том числе получение имущественных прав. С изменениями ст. 290 УК РФ, что вполне очевидно, возникла необходимость понять, что относится к имущественным правам для целей этой нормы.

В п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013г. №24 сделана попытка разъяснить понятие следующим образом: «Имущественные права включают в свой состав как право на имущество, в том числе право требования кредитора, так и иные права, имеющие денежное выражение, например исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (ст. 1225 ГК

РФ). Получение взятки в виде незаконного предоставления должностному лицу имущественных прав предполагает возникновение у лица юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в его пользу имущественных обязательств и др.»

Как отмечают Г.А. Есаков, Д.М. Сарваров, Верховный Суд РФ в приведенном разъяснении, во-первых, дал лишь примерный перечень имущественных прав и, во-вторых, фактически через определение момента окончания преступления попытался еще дальше расширить (или уточнить) этот перечень¹.

При подготовке проекта постановления понятие имущественного права и его трактовка подвергались критике в доктрине. Н.А. Лопашенко справедливо указывала: «...если такие предметы, как деньги, ценные бумаги, иное имущество, достаточно просты и привычны в понимании, то самая новая разновидность предмета - имущественные права - совсем не очевидна. Конечно, в гражданском праве это понятие широко используется, но представляет собой, как известно, часть отдельно упомянутого в законе предмета взяточничества (коммерческого подкупа) - имущества. Но, если руководствоваться гражданско-правовым пониманием имущественных прав, возникают вопросы уже по пониманию имущества как предмета коррупционных преступлений: оно должно получить свое собственное и ограничительное толкование с исключением из его объема имущественных прав»².

Иная позиция по этому вопросу предлагала даже своего рода «забвение» имущественных прав: «Имущественные права предлагается не обсуждать, поскольку на практике этот вид взятки не встречается (некритически заимствован законодателем из Закона от 25.12.2008г. №273-

¹ Есаков Г.А., Сарваров Д.М. Имущественные права как предмет взятки // Уголовное право. – 2018. - №4. – С.58-62.

² Лопашенко Н. О некоторых проблемах понимания и толкования взяточничества и коммерческого подкупа (квалификационные проблемы) // Уголовное право. - 2013. - №5. - С. 84.

ФЗ), а ГК (ст. 128) относит эти права к категории «имущество». Если вслед за законодателем станем акцентировать внимание судов на различиях этих категорий, то придется относить к имуществу исключительно вещи, т.е. понимать термин «имущество» необоснованно, с учетом сложившейся практики, узко. В общем, только запутаем всех»¹.

Судебная практика по конкретным делам не очень часто сталкивается с имущественными правами как предметом взятки. В частности, можно привести следующие примеры:

-имущественное право на производство вырубki лесных насаждений на нескольких делянках из числа предоставленных ООО «Осенцовский ДОК» в аренду²;

-имущественные права на два земельных участка, расположенных на территории проектируемого дачного поселка (право собственности на два земельных участка)³;

-имущественное право в виде 2/3 доли в праве собственности на нежилое помещение⁴;

-имущественное право на ценное имущество - нежилое помещение N 305, расположенное в торгово-офисном здании в г. Чите⁵;

-имущественное право в виде права собственности на земельный участок⁶;

---

¹ Обсуждавшийся участниками конференции проект Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о взяточничестве, коммерческом подкупе и иных коррупционных преступлениях» // Уголовное право. - 2013. - №5. – С.6-27.

² Приговор Ильинского районного суда Пермского края от 23 июля 2015 г. по делу №1-29/2015 // <http://www.consultant.ru/>

³ Апелляционное определение Московского областного суда от 21 января 2016 г. по делу №22-9/2016 (приговор суда первой инстанции был отменен, однако с подходом суда первой инстанции к земельному участку как имущественному праву суд апелляционной инстанции согласился) // <http://www.consultant.ru/>

⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 27 марта 2018 г. по делу №10-3085/2018 // <http://www.consultant.ru/>

⁵ Постановление президиума Забайкальского краевого суда от 8 февраля 2018 г. № 44у-16/2018 // <http://www.consultant.ru/>

⁶ Апелляционное определение Московского городского суда от 8 февраля 2018 г. по делу №10-923/2018 // <http://www.consultant.ru/>

-имущественное право на автомобиль (взятка под видом договора купли-продажи автомобиля)¹;

-имущественное право на две квартиры в построенном доме по цене 30% от их рыночной стоимости².

Анализируя приведенные примеры, нельзя не отметить очевидных неточностей в определении предмета взятки. Так, подавляющее большинство решений связано с отнесением к имущественным правам права собственности на недвижимое имущество, которое передается взяткодателю в качестве предмета взятки. Однако в силу ст. ст. 128, 130 ГК РФ недвижимость представляет собой разновидность вещей, или, по тексту уголовного закона, имущества³. Сказанное приложимо и к праву собственности на автомобиль, который вне всяких сомнений является имуществом. Представляется, что, относя все указанные предметы взятки к имущественному праву, суды, во-первых, предположительно находятся под влиянием сложившейся судебной практики по делам о мошенничестве, где (по нашему мнению, безосновательно) недвижимое имущество теперь рассматривается не как имущество - предмет хищения, а как право на чужое имущество, и во-вторых, пытаются интуитивно нащупать объем понятия имущественного права через отнесение к нему всех тех предметов взятки, для получения которых нужно совершить комплекс юридически значимых действий, что наиболее очевидно на примере недвижимого имущества.

Подобного рода неточности вызваны, во-первых, отсутствием четкого представления об имущественных правах в Постановлении Пленума ВС РФ от 09.07.2013г. №24 и, во-вторых, рассогласованностью уголовного

---

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 15 февраля 2018 г. по делу №10-1902/2018// <http://www.consultant.ru/>

² Апелляционное определение Московского областного суда от 19 мая 2015 г. по делу №22-2534/2015// <http://www.consultant.ru/>

³ И судебная практика вполне обоснованно рассматривает и в действующей редакции уголовного закона земельные участки как иное имущество в контексте предмета взятки // Постановление президиума Верховного суда Удмуртской Республики от 17 февраля 2017 г. по делу №44у-7/2017) // <http://www.consultant.ru/>

законодательства с гражданским в этой части, помноженной на неопределенность гражданского законодательства самого по себе. И вторая причина, как представляется, во многом обуславливает первую.

Рассогласованность гражданского и уголовного законодательства, в частности, проявляется в том, что уголовный закон рассматривает имущественные права как предмет взятки наравне с имуществом, тогда как ст. 128 ГК РФ имущественные права - разновидность «иного имущества». При этом в гражданском праве наблюдается разброс мнений относительно содержания понятия имущественных прав.

Б.М. Гонгало в целом приводит схожую с предыдущим автором позицию: «...не всякое право может быть объектом правоотношения. Во-первых, для этого право должно быть имущественным. Во-вторых, когда в ГК РФ упоминаются имущественные права, то имеются в виду в первую очередь права обязательственные. Вещные права лишены возможности быть самостоятельными объектами - они слишком тесно связаны с вещами»¹.

По мнению С.П. Гришаева, «термин «имущественное право» употребляется в значении обязательственного имущественного права, обладающего определенной материальной ценностью и способного самостоятельно участвовать в гражданском обороте. Таковым является право требования, которое может переходить другим лицам в порядке либо частного, либо универсального правопреемства»².

Встречаются в гражданском праве и критические высказывания относительно данного понятия³.

Суммируя современную цивилистическую доктрину по данному вопросу, можно вывести такие особенности имущественных прав, как

---

¹ Гонгало Б.М. Гражданское право: учебник: В 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. - М., 2017. Т. 1. - С. 210.

² Гришаев С.П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // <http://www.consultant.ru/>

³ Белов В.А. Гражданское право: В 4 т. Т. II: Общая часть: В 2 кн. Книга 1. Лица, блага: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. - М., 2016. - С. 290-292; Бевзенко Р.С. Объекты гражданских правоотношений: учеб. пос. - М., 2010. - С. 40.

объектов гражданских прав, как то: материальная (денежная) ценность, самостоятельная оборачиваемость и по общему правилу обязательственный характер. Однако проблема усложняется тем, что единообразно признанного перечня имущественных прав в гражданском праве не существует¹. Например, к объектам вещного имущественного права относятся объекты незавершенного строительства; этим же правом называются правомочия собственника и вещные права, указанные в п. 1 ст. 216 ГК РФ. К обязательственным имущественным правам относятся залоговое (ипотечное) право, право безвозмездного пользования земельными участками, право аренды, а также права требования, которые могут переходить в порядке частного или универсального правопреемства. Особыми разновидностями имущественных прав называются исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации².

В складывающейся судебной практике можно рекомендовать определять имущественные права *ad hoc* с учетом гражданского законодательства, но не безусловно следуя ему ввиду царящей там неопределенности. Так, арендные права, права пользования, ограниченные вещные права, связанные с получением взяточполучателем имущественной выгоды, хотя и являются имущественными правами, однако по действующему уголовному закону должны трактоваться как услуги имущественного характера (абз. 2 п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013г. №24). Поэтому, казалось бы, корректный, приведенный ранее пример: имущественное право на производство вырубki лесных насаждений на нескольких делянках из числа предоставленных ООО «Осенцовский ДОК» в аренду скорее все-таки связан с услугой имущественного характера.

Передача правомочий собственности в отношении как движимого, так и недвижимого имущества (т.е. вещного имущественного права) образует

---

¹ Порошков В. Специфика имущественных прав // Российская юстиция. - 2000. - №5. - С. 15-16; Рыбаков В.В. Обязательственное имущественное право как объект гражданского оборота // Гражданское право. - 2008. - №2. - С. 40-43.

² Есаков Г. Бенефициарные связи и уголовная ответственность // Уголовное право. - 2016. - №4. - С. 29-35.

передачу имущества как предмета взятки в смысле ст. 290 УК РФ¹.

Так что в сухом остатке к имущественным правам по УК РФ относятся только те объекты гражданских прав, которые указаны в п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013г. №24, а именно право требования кредитора и исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (исключительное право Верховный Суд РФ приводит как один из примеров «иных прав, имеющих денежное выражение»), однако ничего другого в гражданском законодательстве применительно к имущественным правам не усматривается). При этом, поскольку взяточничество представляет собой неправомерное получение должностным лицом выгоды, именно эта выгодность должна ограничивать имущественное право в смысле УК РФ. Иными словами, если право требования предположительно допускается гражданским законодательством в качестве имущественного права, в уголовном праве такое право требования следует признавать предметом взятки безусловно лишь в случае, когда взамен должностное лицо ничего не обязано совершать (конечно, не в смысле того его поведения, о котором говорится в ст. 290 УК РФ, а в смысле *do ut facias* - должностное лицо не обязывается ответным поведением именно в таком гражданско-правовом обязательстве).

Сложный вопрос возникает здесь тогда, когда праву требования, вменяемому как имущественное право в смысле ст. 290 УК РФ, соответствует обязанность должностного лица в гражданско-правовом смысле, однако оплачиваемая заведомо не по рыночным расценкам

---

¹ Оговорка в п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013г. №24 о том, что получение взятки в виде незаконного предоставления должностному лицу имущественных прав предполагает возникновение у лица юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, не вполне корректна, так как такое возникновение при передаче полномочий собственности есть взятка в виде имущества, а при передаче ограниченных вещных прав есть взятка в виде услуг имущественного характера.

(используя удачный пример, приведенный П.С. Яни в частной дискуссии с ним, должностное лицо «нанимается» - забудем на минуту о легальности такого найма - спеть, станцевать и т.п., но по расценкам, заведомо превышающим рыночные). Наверное, стоит согласиться с тем, что это можно рассматривать как взятку, хотя вопрос о том, как доказать надлежащим образом размер такой взятки, для нас остается открытым. Это же относится и к исключительному праву на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, которое для признания его имущественным правом и соответственно взяткой должно предоставляться безвозмездно или, по заведомо несоответствующим рынку расценкам. Напротив, в случае если и праву требования, приобретенному должностным лицом, и исключительному праву с его стороны противопоставляется адекватная денежная или неимущественная компенсация, о взятке говорить не представляется возможным, и если в обмен на так приобретенное право требования или исключительное право, помимо адекватной компенсации, должностное лицо предлагает что-то из поведения, описанного в ст. 290 УК РФ, речь может идти о злоупотреблении полномочиями или превышении полномочий, но не о взяточничестве.

Что касается субъекта преступления, то если при коммерческом подкупе, как отмечалось выше, субъектом преступления является лицо, осуществляющее функции управления коммерческой организацией или иной организацией. При получении взятки субъектом является должностное лицо, под которым в соответствии с примечанием 1 к ст. 285 УК РФ необходимо понимать лицо, которое постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляет функции представителя власти либо выполняет организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях и компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых

принадлежит РФ, субъектам РФ или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ.

Необходимо отметить, что Законом от 03.07.2016г. №324-ФЗ УК РФ дополнен был не только нормой о мелком коммерческом подкупе, но и нормой о мелком взяточничестве (ст. 291.2), предусматривающей ответственность за получение или дачу взятки в размере или стоимостью до 10 000 руб. До вступления нормы в силу, то есть до 15 июля 2016г., такие действия при отсутствии других квалифицирующих признаков подпадали под первые части ст. 290 и 291 соответственно.

Анализ всех 3 норм показывает, что выделение мелкого взяточничества в отдельный состав есть не что иное, как гуманизация уголовного закона. В частности, в отличие от ст. 290 и 291, санкция ст. 291.2 УК РФ не предусматривает в качестве дополнительного наказания штраф, кратный сумме взятки.

Кроме того, существенно отличаются в этих статьях и размеры штрафов, установленных в качестве основного наказания:

ч. 1 ст. 290 УК РФ — до 1 000 000 руб.;

ч. 1 ст. 291 УК РФ — до 500 000 руб.;

ч. 1 ст. 291.2 УК РФ — до 200 000 руб.

Учитывая, что санкции основных составов ст. 290 и 291 УК РФ в связи с введением самостоятельной ответственности за мелкую взятку не корректировались, очевидно, что с июля 2016 года положение лиц, совершающих это преступление, значительно улучшено.

Существует мнение, что для привлечения к уголовной ответственности за дачу или получение взятки ее размер или стоимость ее предмета должна равняться или превышать 3 000 руб. Причина, вероятно, в неправильном толковании положений ст. 575 ГК РФ, разрешающей должностным лицам принимать обычные подарки на сумму не более 3 000 руб.

Однако такая позиция является ошибочной, так как регламентирование поведения должностных лиц не является предметом регулирования

гражданского законодательства. Ст. 575 ГК РФ всего лишь устанавливает частный случай основания недействительности сделки дарения, предусмотренного ст. 169 ГК РФ (совершение сделки с противоправной целью). Тогда как передача/принятие взятки не может рассматриваться как дарение, поскольку имеет характер подкупа. Следовательно, распространять положение ст. 575 ГК РФ на правоотношения, возникающие между взяткодателем и взяткополучателем, нельзя.

Таким образом, законодательного минимума относительно размера взятки или стоимости ее предмета нет. Уголовная ответственность за получение или дачу взятки наступит вне зависимости от того, о какой сумме идет речь. Разница будет заключаться только в квалификации действий виновного лица и, как следствие, степени тяжести последствий, то есть наказания.

По итогам анализа коммерческого подкупа и взяточничества (дачи и получения взятки необходимо сделать следующие выводы:

Как справедливо отмечает В.А. Филипенко, разграничение составов данных преступлений имеет огромное значение, как для науки уголовного права, так и для практического применения уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм¹. В отечественной науке уголовного права проблема отграничения коммерческого подкупа от взяточничества еще не достаточно подробно освещена. Современное антикоррупционное законодательство делает акцент на преступлениях преимущественно в сферах государственной и муниципальной службы (публичный сектор), а в частном секторе (что касается как раз коммерческого подкупа) подобные деяния зачастую остаются в тени.

Данную проблему рассматривали в своих работах иностранные ученые: П. Бардхан², Дж. Стерман¹ и др. Их идеи активно принимаются российскими

---

¹ Филипенко В.А. Разграничение взяточничества и коммерческого подкупа // Традиции и новации в системе современного российского права: сборник тезисов XVII Международной научно-практической конференции молодых ученых. - 2018. - С. 769-771.

² Bardhan P. Corruption and Development: A Review of Issues. Berkeley.1997.

экономистами и социологами, но пока не получили признания со стороны отечественной юриспруденции.

Что же касается конкретных составов данных преступлений, то наиболее похожи составы коммерческого подкупа (ч. 5-8 ст. 204 УК РФ) и получения взятки (ст. 290 УК РФ).

Оба состава являются формальными, то есть не предполагают наступления конкретных общественно-опасных последствий.

Объективные стороны этих преступлений схожи – они представляют собой деяние в виде незаконного получения лицом материальных средств (денег, ценных бумаг, иного имущества), а также предоставления имущественных прав, оказания имущественных услуг в пользу дающего (взятку, подкуп) или представляемых им лиц. Причем предоставление прав и оказание услуг может выражаться как в форме действия, так и в форме бездействия.

Субъективные стороны названных преступлений тоже имеют много общего. И в случае коммерческого подкупа (пассивного), и в случае получения взятки, правонарушитель умышленно совершает противоправные действия. Его умысел направлен против интересов той или иной организации (коммерческой или некоммерческой), против интересов государства и функционирования государственного аппарата.

Основные различия названных преступлений кроются в таких элементах состава, как объект и субъект преступления. И действительно, статья, посвященная коммерческому подкупу, находится в главе под названием «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях», а статья получения взятки – в главе «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы органов местного самоуправления». Расположение статей в этих главах определяет видовой объект, на который направлено общественно опасное

---

¹ Stermann J. Business Dynamics. Cambridge (USA). 2000.

деяние. В случае с коммерческим подкупом, опасности подвергаются общественные отношения, складывающиеся по поводу нормального функционирования коммерческих и иных организаций; в случае получения взятки, объектом является нормальное функционирование государственного аппарата, органов местного самоуправления.

На практике зачастую возникают вопросы, как квалифицировать получение незаконного вознаграждения руководителем предприятия. С одной стороны, ущерб наносится экономической системе Российской Федерации, противоречит интересам службы в организации, поскольку данное предприятие участвует в гражданско-правовом обороте. Но, с другой стороны, поскольку высший исполнительный орган унитарного предприятия является должностным лицом, содеянное, в конечном итоге, наносит ущерб государству.

Наибольшее практическое значение имеет для нас понятие субъекта данных преступлений. Как неоднократно отмечалось выше, понятия субъектов зафиксированы в примечаниях к ст. 201 и ст. 285 УК РФ. Субъектом коммерческого подкупа признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческих или иных организациях. Субъектами же получения взятки являются должностные лица, а именно «лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит РФ, субъектам

РФ или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации».

Таким образом, чтобы квалифицировать деяние как получение взятки необходимо, чтобы субъект обладал статусом должностного лица.

В перспективе развития российского права было бы не лишним обратить внимание на зарубежное законодательство, где коммерческий подкуп и взяточничество получили довольно четкое определение за счет разграничения коррупции в частной и публичной сферах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение диссертационной работы подведём её итоги и сформулируем основные выводы:

Коррупционное преступление – это общественно опасное, противоправное, виновное и наказуемое умышленное деяние должностного лица или лица, заинтересованного в осуществлении определенных действий (бездействия) должностным лицом, совершаемое исходя из корыстных мотивов, направленное на получение выгоды, имущества, услуг имущественного характера, имущественных прав или незаконного предоставления определенных преимуществ как для себя, так и для третьих лиц. Следует отметить, что, по нашему мнению, понятия коррупции и коррупционного преступления, безусловно, должны включать в себя достаточно широкий круг преступлений, закрепленных в УК РФ, но не стоит ориентироваться при его составлении исключительно на самые распространенные служебные и должностные преступления.

С учетом анализа норм и положений международных нормативных правовых актов в этой сфере считаем необходимым в первую очередь включить в понятие коррупции преступления, в составах которых как обязательный признак объективной стороны закреплен подкуп в отношении должностных лиц или лиц, выполняющих управленческие функции в организациях.

Российское государство шло достаточно плавно к появлению уголовной ответственности за коммерческий подкуп и появление данного понятия в уголовном законодательстве напрямую связано с экономической политикой государства, но важно отметить, что развитие данной области уголовно правовых отношений не стоит на месте и совершенствуется, что доказывается появлением ст. ст. 204.1 и ст. 204.2 в УК РФ. Если сравнить уголовное законодательство Российской Федерации и зарубежных стран, то можно сказать, что в ряде развитых стран таких как Франция, Швейцария и ФРГ уголовная ответственность за коммерческий подкуп отсутствует.

Ст. 285 УК РФ в самом общем виде представляет характеристику непосредственного субъекта преступления — должностного лица и самого преступного деяния, включая использование служебных полномочий вопреки служебным интересам и их последствий, что распространяется практически на все нормы и статьи гл. 30 УК РФ. С учетом всех внесенных изменений определение должностного лица наиболее детальным образом конкретизирует субъективную сторону и сам субъект рассматриваемых должностных преступлений.

Прим. 1 к ст. 285 УК РФ, содержащие признаки должностного лица, не носят системного характера и частично отражают организационно-правовые формы юридических лиц с государственной и муниципальной формами собственности.

Полагаем, что ст. 285 УК РФ требует определенных преобразований. Современная редакция данной нормы содержит в себе ряд противоречий, которые необходимо устранить. Эффективность предупредительных мер по борьбе с коррупционными преступлениями, в частности с злоупотреблением должностными полномочиями, напрямую зависит от уровня законодательной базы.

По итогам анализа коммерческого подкупа и взяточничества (дачи и получения взятки необходимо сделать следующие выводы:

В отечественной науке уголовного права проблема отграничения коммерческого подкупа от взяточничества еще недостаточно подробно освещена. Современное антикоррупционное законодательство делает акцент на преступлениях преимущественно в сферах государственной и муниципальной службы (публичный сектор), а в частном секторе (что касается как раз коммерческого подкупа) подобные деяния зачастую остаются в тени.

Наиболее похожи составы коммерческого подкупа (ч. 5-8 ст. 204 УК РФ) и получения взятки (ст. 290 УК РФ).

Оба состава являются формальными, то есть не предполагают

наступления конкретных общественно-опасных последствий.

Объективные стороны этих преступлений схожи – они представляют собой деяние в виде незаконного получения лицом материальных средств (денег, ценных бумаг, иного имущества), а также предоставления имущественных прав, оказания имущественных услуг в пользу дающего (взятку, подкуп) или представляемых им лиц. Причем предоставление прав и оказание услуг может выражаться как в форме действия, так и в форме бездействия.

Субъективные стороны названных преступлений тоже имеют много общего. И в случае коммерческого подкупа (пассивного), и в случае получения взятки, правонарушитель умышленно совершает противоправные действия. Его умысел направлен против интересов той или иной организации (коммерческой или некоммерческой), против интересов государства и функционирования государственного аппарата.

Основные различия названных преступлений кроются в таких элементах состава, как объект и субъект преступления.

Так, статья, посвященная коммерческому подкупу, находится в главе под названием «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях», а статья получения взятки – в главе «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы органов местного самоуправления».

Субъектом коммерческого подкупа признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческих или иных организациях. Субъектами же получения взятки являются должностные лица. Таким образом, чтобы квалифицировать деяние как получение взятки необходимо, чтобы субъект обладал статусом должностного лица.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Резолюция № (97) 24 Комитета министров Совета Европы «О двадцати руководящих принципах борьбы против коррупции», принятая 6 ноября 1997 на 101-ом заседании // <http://www.consultant.ru/>
2. Конституция РФ, принятая всенародным голосованием 12.12.1993
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996г. №63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.
4. Федеральный закон от 12 января 1996г. №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. – 1996. - №3. - Ст. 145.
5. Федеральный закон от 25 декабря 2008г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. - №52 (ч. 1). - Ст. 6228.
6. Федеральный закон от 3 июля 2016г. №324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. - №27 (часть II). - Ст. 4257.
7. Федеральный закон от 29 декабря 2017г. №469-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2018. - №1 (ч. I). - Ст. 53.
8. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015г. №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. - №1 (часть II). - Ст. 212.
9. Указание Генпрокуратуры России №853/11, МВД России №5 от 25 декабря 2018г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // <http://www.consultant.ru/>

10. Аминов Д.И., Шумов Р.Н., Борисов А.В., Борбат А.В. К вопросу о квалификации мошенничества в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Российский следователь. - 2017. - №8. - С. 17-22.

11. Артюшина О.В. Причинение тяжких последствий при превышении должностных полномочий: проблемы квалификации // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2018. - №3 (33). - С. 348-352.

12. Аснис А.Я. Уголовная ответственность за служебные преступления в России. - М.: Центр «ЮрИнфоР», 2004. – 396с.

13. Бадалов А.Э. Ответственность за преступления коррупционного характера в международном уголовном праве // Общество и право. – 2018. - №2(64) 62. – С.58-62.

14. Бевзенко Р.С. Объекты гражданских правоотношений: учеб. пос. - М., 2010. – 72с.

15. Белов В.А. Гражданское право: В 4 т. Т. II: Общая часть: В 2 кн. Книга 1. Лица, блага: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. - М., 2016. – 453с.

16. Близнюк Н.И. Злоупотребление должностными полномочиями как состав преступления: проблемы квалификации и правоприменения // Право. Общество. Государство Сборник научных трудов студентов и аспирантов. Санкт-Петербург. - 2018. - С. 43-46.

17. Борисов А.В. К вопросу о предупреждении должностных преступлений, совершаемых в сфере здравоохранения // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. -2015. - №4 (10). - С. 39-42.

18. Борисов И.Д. Разграничение злоупотребления должностными полномочиями (ч. 1 ст. 285 УК РФ) и превышения должностных полномочий (ч. 1 ст. 286 УК РФ) // Аллея науки. - 2018. Т. 3. - №7 (23). - С. 76-81

19. Борков В.Н. Актуальные проблемы квалификации превышения должностных полномочий // Уголовное право. - 2016. - № 4. - С. 4-8.

20. Боровкова И.С. Мотивы злоупотребления должностными полномочиями: значение, содержание и вопросы судебного толкования // Современное право. - 2018. - №12. - С. 89 - 94.
21. Борьба с коррупцией в государственных органах Республики Казахстан: учебное пособие / под ред. Е.О. Алауханова. - Алматы, 2008. URL: <http://www.allpravo.ru/library/>
22. Бочков С.О. Борьба с коррупцией: гражданско-правовые аспекты // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. - 2006. - №3-4. - С.89-93.
23. Бугаевская Н.В. Формирование понятия «коррупционные преступления» с точки зрения закона и уголовной статистики // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях: материалы международной научно-практической конференции (1-2 ноября 2013 г.). Вып. 10. Ч. 1. - Тюмень: ТГАМЭУП, 2013. – С.45-48.
24. Букалерова Л.А., Копылов М.Н. К вопросу о понятии «коррупционные преступления» // Общество и право. - 2012. - №1 (38). – С.105-109.
25. Быкова Е.Г., Яшков С.А. Превышение должностных полномочий и фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности: возможна ли совокупность? // Уголовное право. - 2016. - №4. - С. 14-21.
26. Бычкова С.Б. Государственно-правовые меры противодействия взяточничеству в России (XV - начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. юр. наук. - Н. Новгород, 2016. – 25с.
27. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. - М.: ЮрИнфоР, 2013. – 576с.
28. Гонгало Б.М. Гражданское право: учебник: В 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. - М., 2017. Т. 1. – 777с.

29. Горшенков Г.Н. «Противодействие» и «коррупция» как научно не проработанные понятия // Противодействие коррупции на федеральном, региональном и муниципальном уровнях: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 112-летию Юридического института Томского государственного университета и необходимости разработки программы противодействия коррупции на муниципальном уровне. - Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. – С.25-29.

30. Григорьев М.Ю. Особенности доказывания при расследовании превышения должностных полномочий с применением физического и психического насилия, специальных средств или оружия // Законность. - 2017. - №1. - С. 63-66.

31. Григорьев В.А., Дорошин В.В. Коррупционное преступление: понятие, признаки, виды // <http://www.lawmix.ru/comm/2042>

32. Гришаев С.П. Эволюция законодательства об объектах гражданских прав // <http://www.consultant.ru/>

33. Гуров А.И. Коррупция угрожает национальным интересам России. Борьба с коррупцией: актуальные проблемы законодательного обеспечения. Сборник статей и документов. - М.: Издание Государственной Думы РФ, 2002. – 250с.

34. Давыдушкина М. И. Превышение должностных полномочий как состав преступления: проблемы квалификации и правоприменения // Молодой ученый. - 2018. - №52. - С. 190-192.

35. Захаров А. В рамках конференции «Бизнес в России: безопасность (не) гарантируется!» по вопросам безопасности ведения бизнеса в России принимал участие вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ Александр Захаров // <http://korrossia.ru/>

36. Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. - М.: Юридическая литература, 1975. – 168с.

37. Есаков Г. Бенефициарные связи и уголовная ответственность // Уголовное право. - 2016. - №4. - С. 29-35.

38. Есаков Г.А., Сарваров Д.М. Имущественные права как предмет взятки // Уголовное право. – 2018. - №4. – С.58-62.
39. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. - М.: Норма, 2015. - 288с.
40. Кильчицкий И.Ф. Иная личная заинтересованность как мотив должностного преступления. Судебная практика // Право в Вооруженных Силах. - 2014. - №6. - С. 22-30.
41. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 5-е изд., перераб. и доп. / Под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. - М.: Юриспруденция, 2017. – 912с.
42. Комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» (постатейный) / под ред. С.Ю. Наумова, С.Е. Чаннова. - М.: Юстицинформ, 2009. – 272с.
43. Коптелов А.К. Управление бизнес-процессами и развитием информационных технологий // Финансовая газета 2007.: <http://businessprocess.narod.ru/>
44. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». - М.: Городец, 2007. - 336с.
45. Кулакова М.Н. Понятие и критерии юридической оценки коррупционного преступления // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. - № 2 (42). – С.176-182.
46. Кулыгин В.В. О возможности оптимизации антикоррупционного законодательства // Проблемы формирования и реализации антикоррупционной и антикриминальной политики: сборник по материалам Шестой сессии Дальневосточной криминологической школы. - Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2009. – С.13-15.
47. Куржепей Д. Э. Злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий // Наука. Общество. Образование: сборник трудов конференции. – Иркутск, 2018. - С. 4-5.

48. Лопашенко Н.А. О некоторых проблемах понимания и толкования взяточничества и коммерческого подкупа (квалификационные проблемы) // Уголовное право. - 2013. - №5. - С. 83-88.

49. Лопашенко Н.А. Противодействие российской коррупции: обоснованность и достаточность уголовно-правовых мер // Проблемы борьбы с проявлениями криминального рынка. - Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. - С. 21-35.

50. Лунеев В.В. Преступность XX века. - М., 1999. – 912с.

51. Марьина Е.В. Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм: автореф. дис. ... канд. юр. наук. - Самара, 2010. – 24с.

52. Миронова Г.Н. Исторические предпосылки установления уголовной ответственности за мелкий коммерческий подкуп // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2018. - №1 (51). – С.89-93.

53. Миронова Г. Н. Обоснованность установления уголовной ответственности за мелкий коммерческий подкуп // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: материалы международной научно-практической конференции. - 2018. - С. 249-252.

54. Михайлина Ю.С. Проблемы квалификации превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) // Научное и образовательное пространство: перспективы развития: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. - 2018. - С. 321-323.

55. Михайлов В. И. Эволюция законодательства об ответственности за взяточничество // Уголовное право. - 2016. - №5. - С. 46-56.

56. Наумов А.В. Совокупность в составных насильственных преступлениях: когда она есть и когда отсутствует // Уголовное право. - 2014. - №5. – С.76-79.

57. Обсуждавшийся участниками конференции проект Постановления

Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о взяточничестве, коммерческом подкупе и иных коррупционных преступлениях» // Уголовное право. - 2013. - №5. – С.6-27.

58. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. - М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944с.

59. Пикалёва В. В. Проблемы квалификации превышения должностных полномочий // Молодой ученый. - 2015. - №14. - С. 370-372.

60. Попова Н. А., Подковыров Е. А. Проблемные аспекты разграничения злоупотребления должностными полномочиями от служебного подлога // Актуальные вопросы юридической науки и практики. - Тамбов. - 2015. - С. 117-122.

61. Порошков В. Специфика имущественных прав // Российская юстиция. - 2000. - №5. - С. 15-16.

62. Пудовочкин Ю.Е. Признаки совокупности преступлений в современной судебной практике // Уголовное право. - 2009. - №4. - С.54-59.

63. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: Практ. пособие. - М.: ТК «Велби»; Проспект, 2006. – 224с.

64. Ровнейко В. В. Некоторые проблемы совершенствования понятия «должностное лицо» в российском уголовном праве // Вестник Удмуртского университета. Сер. «Экономика и право». - 2016. - Т. 26. - №6. - С. 117–123.

65. Рыбаков В.В. Обязательственное имущественное право как объект гражданского оборота // Гражданское право. - 2008. - №2. - С. 40-43.

66. Рясов А.В. Исторический очерк развития дореволюционного уголовного законодательства России от ответственности за преступления, совершаемые с использованием служебного положения // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2008. – №4. – С. 97-103.

67. Сарыг А. В. Проблемы квалификации превышения должностных полномочий // Право. Общество. Государство: сборник научных трудов студентов и аспирантов. - Санкт-Петербург, 2018. - С. 64-67.

68. Седых В.В., Савичева Д.В. История развития уголовной ответственности за коммерческий подкуп // Наука сегодня: задачи пути их решения: материалы международной научно-практической конференции. В 2-х частях. – 2018. – С.135-139.

69. Сердюк Д.В., Алехин В. П. Проблемы квалификации злоупотребления должностными полномочиями // Аллея науки. - 2018. Т. 6. - №5 (21). - С. 966-970.

70. Смелова С.В. Ответственность за превышение должностных полномочий: некоторые направления совершенствования антикоррупционного законодательства // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. - 2018. - С. 209-213.

71. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Законодательство Республики Беларусь. - М., 2006. – 290с.

72. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. - 3-е изд., изм. и доп. - М.: Издательство НОРМА, 2001. - 960с.

73. Уголовное право России: учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть / Под ред. Н.Г. Кадникова. - М.: Юриспруденция, 2018. – 911с.

74. Фельштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России. - М.: Зерцало, 2003. – 544с.

75. Филипенко В.А. Разграничение взяточничества и коммерческого подкупа // Традиции и новации в системе современного российского права: сборник тезисов XVII Международной научно-практической конференции молодых ученых. - 2018. - С. 769-771.

76. Фоменко Е.В. К вопросу о семантике преступлений, связанных с подкупом, и их месте среди преступлений коррупционной направленности // Российский следователь. - 2018. - №6. - С. 35-39.

77. Цоколов И.А. Проблемы уголовного преследования лиц, совершивших коррупционные преступления. Статья 1. К вопросу об оптимизации понятия «коррупционное преступление» // Российский следователь. - 2011. - №5. – С.13-17.

78. Шарапов Р.Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. - 2015. - №1. – С.112-124.

79. Штамм С.И. Судебник 1497 года: Учебное пособие по истории государства и права СССР. - М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. – 112с.

80. Acemoglu, D.; Verdier, Th. Property rights, corruption and the allocation of talent: a general equilibrium approach. Econ. Journal. Cambridge etc., 1998. Vol. 108. № 450. - P. 1381-1403.

81. Acemoglu, D.; Verdier, T. The choice between market failures and corruption. Amer. econ. Review. Nashville, 2000. Vol. 90, №1. - P. 194-211.

82. Bardhan P. Corruption and Development: A Review of Issues. Berkeley.1997.

83. Bradley, A. W. Parliamentary privilege and the common law of corruption: R. v. Greenway and others // Publ. law. - L., 1998. - Autumn. - P. 356-363.

84. Cohen, S. Crime and politics: spot the difference // Brit. j. of sociology. - L., 1996. - Vol. 47, №1. - P. 1-21;

85. Davoodi, H. Roads to nowhere : How corruption in publ. investment hurts growth. - Wash.: Intern. monetary fund, 1998. - III, 12 p.

86. Stermann J. Business Dynamics. Cambridge (USA). 2000.

87. Определение Конституционного Суда РФ от 25 мая 2017г. №1030-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Алексева Вадима Игоревича на нарушение его конституционных прав рядом

положений Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru/>

88. Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2018г. №1370-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Клевцова Евгения Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 17 Уголовного кодекса Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru/>

89. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009г. №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. - №12.

90. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013г. №24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. - №9.

91. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» //Бюллетень Верховного Суда РФ. -1999. - №3.

92. Обзор судебной работы гарнизонных военных судов по рассмотрению уголовных дел за 2017 год, подготовленный Третьим окружным военным судом // Архив Управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ за 2018 год // <http://www.consultant.ru/>

93. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29 марта 2017г. №69-ПРСС // <http://www.consultant.ru/>

94. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21 января 2015г. №127-УД15-4 // <http://www.consultant.ru/>

95. Апелляционное определение Московского городского суда от 13 декабря 2017г. и приговор Солнцевского районного суда города Москвы от 13.09.2017 // Архив Московского городского суда за 2017 год // <http://www.consultant.ru/>

96. Апелляционное определение Московского областного суда от 19 мая 2015 г. по делу №22-2534/2015// <http://www.consultant.ru/>
97. Апелляционное определение Московского областного суда от 21 января 2016 г. по делу №22-9/2016 // <http://www.consultant.ru/>
98. Апелляционное определение Московского городского суда от 8 февраля 2018 г. по делу №10-923/2018// <http://www.consultant.ru/>
99. Апелляционное определение Московского городского суда от 15 февраля 2018 г. по делу №10-1902/2018// <http://www.consultant.ru/>
100. Апелляционное определение Московского городского суда от 27 марта 2018 г. по делу №10-3085/2018 // <http://www.consultant.ru/>
101. Постановление президиума Верховного суда Удмуртской Республики от 17 февраля 2017 г. по делу №44у-7/2017) // <http://www.consultant.ru/>
102. Постановление президиума Забайкальского краевого суда от 8 февраля 2018 г. № 44у-16/2018// <http://www.consultant.ru/>
103. Приговор Солнцевского районного суда города Москвы от 13 сентября 2017 // Архив Московского городского суда за 2017 год // <http://www.consultant.ru/>
104. Приговор № 1-440/2017 1-9/2018 от 20 февраля 2018 г. по делу № 1-440/2017 // <http://www.consultant.ru/>
105. <http://www.whitecase.com>.
106. <http://www.vedomosti.ru/>
107. <http://businessprocess.narod.ru/>
108. <http://ru.publika.md/>
109. <http://www.forumdaily.com/>
110. <http://www.delo-kira.ru/news-voronezh-russia-world/64-lenta/>
111. <http://www.consultant.ru/>